

ИНСТИТУТ РЕЛИГИИ И ПРАВА

РЕЛИГИЯ и права человека

На пути к свободе совести

III

Составители:

Л.М.Воронцова, А.В.Пчелинцев, С.Б.Филатов

Под общей редакцией

С.Б.Филатова

К 1256911

МОСКВА

"НАУКА"

1996

Протоиерей Георгий Эдельштейн

Из записок сельского священника

Отец Георгий Эдельштейн окончил Ленинградский инст. иностр. языков. Канд. филол. н., доцент, автор ряда публикаций по средневековым учениям о языке. В 1979 г. рукоположен во иерея. Служил в нескольких епархиях. В янв. 1989 г. архиепископом Вологодским Михаилом запрещен на три месяца "за пребывание на приходе лиц в количестве 41 чел., не имеющих отношения к Вологодской епархии", прощен – за попытку организовать летнюю катехизическую школу. После снятия запрещения архиепископ Михаил более года отказывался дать отпускную грамоту. Ни в одной епархии отца Георгия не брали даже сторожем. Во время вынужденной безработицы о. Георгий опубликовал несколько статей о религиозно-общественных проблемах за рубежом. В июле 1988 г. был приглашен Р. Рейганом на прием в Спасо-Хаус; через неделю вызван в Совет по делам религий и направлен на приход Ушаково, глухое лесное село на севере Костромской епархии. В 1990 г. переведен в Ильинский храм села Яковлевское в пригороде Костромы. Один из организаторов движения "Церковь и перестройка".

I. День второго рождения воскресенской церкви села Карбанова

*Рождение каждого прихода
начинается с казенной бумаги*

УЧРЕДИТЕЛЯМ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЩЕСТВА

Выписка

из протокола № 14 Заседания Совета по делам религий
при Совете Министров СССР 13 сентября 1990 г.

СЛУШАЛИ:

Представление Исполкома Костромского областного Совета народных депутатов от 15.06.90 г. N 718/7 о регистрации религиозного общества Русской православной церкви в с.Карбаново Красносельского района и предложение Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР от 27.07.90 г. № 2125 о его регистрации и передаче культового здания.

ПОСТАНОВИЛИ:

Зарегистрировать религиозное общество Русской православной церкви и разрешить открыть молитвенное здание в с. Карabanове Красносельского района Костромской области.

Член Совета Г.А.Михайлов
Исх. № 2040 17.09.90 г.

Странная бумага. Как любая реальность советской действительности, сплошь составлена из фикций.

"Религиозное общество в с.Карabanове" – фикция и его "учредители" – фикция. Пресловутая "двадцатка" – список двадцати учредителей религиозного общества – это нечто вроде купчей незабвенного Павла Ивановича Чичикова, просто правила игры в "слушали-постановили", в список попали случайные люди, согласившиеся расписаться в бумаге. Подписью ограничилась вся их деятельность по созданию общины в селе. Во всем "религиозном обществе" в 1990 г. была одна-единственная живая душа – Борис Павлович Волин, только жил он к этому времени не в Карabanове, а в Иконникове, православным христианином себя никогда и нигде не именовал, а если кто-то из приятелей титуловал его в очередном тосте "верующим атеистом", он не спорил и опрокидывал: выпить, мол, за что хочешь приятно. Впрочем, о Борисе Павловиче чуть позже. Да верует ли он в Бога? Не знаю. Я предпочитаю не лезть в чужую душу, если меня не приглашают. На цепочке для красоты носят крестик, а не веру.

Нечто кирпичное, высокопарно названное в бумаге за подписью члена Совета Г.А.Михайлова "культовым" или "молитвенным" зданием по состоянию на день исторического решения от 15.06.90 г. – это 3,5 (ошибки нет, именно три с половиной) стены, без крыши, без окон, без дверей, без пола. В сводах из красного кирпича зияют огромные дыры, два кирпичных столба, поддерживающих остатки сводов, вот-вот рассыплются в прах. Слушали о передаче культового, постановили разрешить открыть молитвенное. Но зачем открывать, если входить и выходить можно по желанию с любой из четырех сторон света в проломы, где когда-то были окна или двери. Можно бы и с пятой, сверху, если кому-то придет в голову такая фантазия. Вместо пола – болото, мерзкая зловонная жижа, где – по щиколотку, а где – чуть ли не по колено: колхоз "Советская армия" что в Ивановском, много лет сваливал тут минеральные удобрения, снег на них валил, дождь на них лил. К тому времени, рассказывают знающие люди, наша страна развитого социализма в 1,5 раза превзошла США по производству этих самых удобрений. Оттого и сыплются стены, оттого и рушатся столбы. А три с половиной стены просто потому, что до склада была здесь МТС, трактору в церковную дверь не проехать, вот и своротили тутошные мужички-богоносцы северную стенку, а сверху положили перемышку железобетонную, чтобы крыша не рухнула на головы строителей светлого коммунистического будущего.

В бумаге дважды написано "Русская православная церковь", но следует читать "Московская Патриархия". Если какая-то православная община отвергнет Декларацию "о радостях" – продукт совместного творчества ГПУ и митрополита Сергия (Страгородского), если священник будет возносить в этом храме имя любого православного епископа, отвергающего сергианство, то всю общину немедленно вышибут из храма с помощью ОМОНовцев и "черемухи". Если ты не сергианец, если ты не красный поп, то ты не русский и не православный.

Восточная половина храма – "летний храм" – сохранилась значительно лучше, чем западная – "зимний храм": там зерно ссыпали, не удобрения. Потому даже штукатурка не вся осыпалась и – чудо! – роспись верхнего яруса видна. Там, где иконостас был, торчат металлические клинья, – вот и план будущего иконостаса начертан. И на том спасибо большевикам, низкий поклон кузнецам республики всеобщего благоденствия: невыполнили завет основоположников, пренебрегли призывом "до основанья".

Указ правящего архиерея о назначении меня настоятелем несуществующего прихода я получил ранней весной 1992 года. Снег уже растаял, многие уже надели резиновые сапоги, но кое-кто еще ходит в валенках. Автобус останавливается у магазина, вот я первым делом и пошел в магазин, там все сословия собираются, сразу всех увижу. Поздоровался и объявил, что через три дня в храме будут первые службы – молебен о подвизающихся в восстановлении Божиих храмов и панихида о создателях, благоукрасителях и благодетелях святого храма сего, о всех православных христианах, в годину лютых гонений от злых безбожников Христа ради и Церкви Его Святой даже до крови мучившихся и убиенных. На всякий случай написал на тетрадном листочке в клеточку такое же объявление и прилепил его к двери магазина. Но это уже лишнее: бабульки хоть глядели на меня с большим недоверием, не забудут без всякой бумаги все новости друг другу пересказать, а тут не новость – сенсация. Но словам моим, что храм восстановим, боюсь, ни одна тогда не поверила: очень уж жутко выглядел обезображенный остов "культового здания", такой не восстановить. Ни одна не пошла со мной месить смрадную болотную жижу, сапоги от нее разваливаются, а они ведь нынче в цене, никаких денег не хватит. Можно для первого раза и с дороги поглядеть, в проломы окон все отлично видно. Впрочем, я пока и не звал. Вынул из чемодана епитрахиль, иконку, крест, поставил в стакан с пшеницей свечу, расстелил на подоконнике платок, на него положил крест и Евангелие. Спел канон и стихиры Пасхи, где самые заветные мечты мои о храме сем, о веси сей и о всей Богохранимой стране нашей Российской. "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его. Пасха священная нам днесь покажется". "Яко исчезает дым да исчезнут". "Красуйся, ликуй и радуйся, Иерасалиме". И пошел первым пасхальным крестным ходом вокруг Воскресенского храма с.Карабанова. "Аще и

во гроб снишел еси, Бессмертие, но адову разрушил еси силу и воскресл еси яко победитель, Христе Боже". "Светися, светися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на Тебе воссия".

Через три дня на первую службу собралось человек 15-20, принесли из соседнего дома стол и два ведра, зачерпнули в речке Юрзовке воды, она здесь же под церковным двором течет. Скатерть, кадило, ладан, книги и все остальное принес в чемодане и рюкзаке. Отслужили водосвятный молебен, потом панихиду, окропили храм внутри и снаружи, чуточку духовно сами почистились и церковь от гнусиков почистили, теперь можно начинать и от мусора чистить. Работали все часа три, волокли в овраг всякую пакость, оставшуюся нам в наследство от хозяйничавших здесь татей и разбойников. Кто из воинствующих безбожников, закрывавших и паскудивших православные храмы, мог поверить, что они закрывают их не навеки, что храмы воскреснут, восстанут из мертвых? Да что безбожники, много ли христиан твердо стояли в своем уповании, знали, что воскреснет Бог и расточатся врази Его? Евангельская история повторяется бесконечно: вернулись мироносицы с места погребения Спасителя, поведали о воскресении Его одиннадцати апостолам и всем прочим: "И явишася пред ними яко лжа глаголы их". (Лк. 24,11)

Выбрали казначея, после службы она сдала мне 117 руб.39 коп. Можно начинать реставрацию. Ни светские, ни церковные власти восстановлению бедной сельской церкви никогда не помогут ничем, о тех и других властях у нас всегда одна молитва: только бы не мешали, не пакостили. Всемирную показуху гнать, где-то в самом центре Москвы очередную грандиозную стройку посткоммунизма "шагами сажеными" разворачивать – это другое дело. На показуху ни новым православным, ни президентам и мэрам, ни Его Святейшеству никаких миллиардов не жалко: ведь на благосостоянии президента, мэра и Святейшего никакие показушные стройки не отражаются. Несколько лет назад так же широко размахнулись на строительстве храма-памятника 1000-летию крещения Руси, только не в центре, а на далекой окраине. С гаражами, саунами, экуменическими центрами, конференц-залами. Проводились конкурсы и выставки, председатель жюри Михаил Антонович Денисенко (в то время – Высокопреосвященнейший митрополит Киевский Филарет) устраивал пресс-конференции. Говорят, Его Святейшество даже камень краеугольный заложил. И у нас в Костроме возле кукольного театра тоже заложил и еще где-то закладывал. Забыли только нам рассказать, во что всякие цацки и забавы с 1000-летними памятниками и краеугольными камнями обходятся. И высокопозорственные выезды в провинцию на закладку тех краеугольных камней – во что?

В Костромском государственном архиве мне выдали такую справку:

АРХИВНАЯ СПРАВКА

28.04.92.

N 178

О культовых и хозяйственных зданиях ц.Воскресения в с.Карабаново.

На Ваш запрос сообщаем, что церковь Воскресения Христова в с.Карабанове каменная с колокольной и каменной оградой вокруг храма была выстроена в 1833 г. на средства прихожан. Внутри ограды было устроено кладбище, на котором погребались умершие. В 1890 г. устроена каменная одноэтажная сторожка красного кирпича для караула церкви также на средства прихожан. Для жительства священника прихожанами в 1892 г. был куплен деревянный дом у вдовы умершего священника за 450 рублей (напротив храма). Дьякон и псаломщик жили в собственных деревянных домах, выстроенных на церковной земле.

Согласно клировым ведомостям за 1880–1917 гг., земли при церкви:
пахотной – 24 десятины 1830 кв.саженей;
сенокосной – 8 десятин 1959 кв.саженей;
неудобий – 4 десятины 1660 кв.саженей, из них под самой церковью и кладбищем находилось 600 саженей.

В церкви были освящены три престола: в холодной – во славу Воскресения Господа Иисуса Христа из мертвых; в теплой – в честь святого великомученика Димитрия Солунского и святителя и чудотворца Николая Мирликийского.

Основание: фонд..., оп., д., лл.

Дома "для жительства священника" давно уж нет, говорят, сгорел. Были вокруг дома акации, яблони, вишни – ничего нет, болото. Дьякона нет, псаломщика нет, и домов их тоже нет. Не только пахотной и сенокосной земли, даже неудобий в собственности прихода нет ни вершка. Ограды каменной нет уже лет 45, на бут и щебенку для коровников пошла. Здание одноэтажной сторожки красного кирпича сохранилось, но сторожки тоже нет: когда закрыли храм, в сторожку вселили какого-то алкаша из соседней деревни. Алкаш умер, дети разбрелись кто куда, мать переселилась на центральную усадьбу, в Ченцы, а сторожку подарила одной из своих дочерей, она ее дачей называет, а в церковном дворе на кладбище рядом с могилами картошку сажает. Фамилия дачников – Комиссаровы, правду говорил Иван Денисович: Бог шельму метит. Два года по судам и присутственным местам ходили, запретили Комиссаровым кладбище распаивать, а со сторожкой все никак, три года судимся.

В Козуре, неподалеку от Иконникова, храм святителя Николая, в Княжеве, в 7 км от Карабанова, придел во имя Николая Мирликийского. Написал я прошение архиепископу Александру, просил освятить один из приделов теплого храма во имя Новомучеников Петроградских – митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, Юрия и Иоанна. Его Высокопреосвященство ни "да", ни "нет" не сказал, а мы их на каждой службе поминаем, тропарь и кондак Новомученикам на каждой Литургии поем.

Прежде здесь, неподалеку от Карабанова было имение русской поэтессы Анны Ивановны Готовцевой (в замужестве – Корниловой), печатавшейся, любят рассказывать карабановцы, даже в "Современнике" А.С.Пушкина (1).

Здесь, у южной стены нашего храма, кирпичный склеп, где покоится сама Анна, ее сын Юрий Корнилов и сестра – девица Мария. "Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, душам усопших раб Твоих".

Память об усопших хранят и две чудом уцелевшие массивные плиты черного мрамора с выбитыми надписями, но когда в храме была мастерская, плиты мешали тракторам разворачиваться во дворе. Да не только эти плиты, все могилы мешали. Кресты повыдергали, ограды повыдергали, могильные холмики все до единого сравняли с землей. Кирпичный склеп Готовцевых остался на прежнем месте, его только землей засыпали и слегка утрамбовали, а плиты отволокли на восточную сторону, срыли там несколько "ничейных" могил, забетонировали площадку и вмуровали в серый бетон черный гранит. Никто не забыт и ничто не забыто.

Чуть в стороне от Карабанова – Шишкино, имение Нащокиных, там тоже кирпичный храм, и состояние его примерно такое же. Там же, в церкви, где кузница была, и склепы под полом. Павел Войнович, говорят, был другом и собутыльником Александра Сергеевича, только кому сегодня вся эта ветошь – Готовцевы, Нащокины, Пушкины – надобны? Был, правда, в Костроме чудный застенчивый человек Сергей Эльмарович Маграм, православный христианин в первом поколении, как легко догадаться по отчеству. Сережу память Нащокиных почему-то волновала. Он пригласил на лето своих друзей из Харькова, они сделали карнизы, крышу, купол, восстановили храм процентов на 10-15, но погиб милый Сережа в автомобильной катастрофе под Переславлем в конце 1994 года, погибла с ним его Олечка и ее отец, и никому в мире то Шишкино и его история не стали ни интересны, ни нужны.

Когда в первый раз ехал в Карабаново, ничего не знал об Анне Готовцевой, но загадочными нитями переплетается мой путь с их судьбой, с их семьей. На предыдущем приходе, в Ликурге, между двумя величественно гибнущими красавцами-храмами сохранилась древняя родовая усыпальница Готовцевых, родом они из Буйского уезда, не красноселы. Ни на одной из тех старинных плит ничего уже не прочтешь, все тщательно сбито. Не из-за бугра пришли враги, не злоумышленники трудились, не жидо-масоны коварные планы свои осуществляли, просто огромный склеп много лет служил конюшней, лошади день за днем стесывали гранит и мрамор копытами.

На том же приходе, где Ликурга, похоронена в селе Романцеве у полуразрушенной церкви племянница Анны Ивановны поэтесса Юлия Жадовская, воспитывавшаяся в семье Анны. Ее могила числится где-то "памятником культуры". Впрочем, и могила ее тетки тоже. Жаль только не успел я пока уточнить в соответствующих инстанциях, что – памятник: кирпичный склеп, который я с трудом под дорожкой отыскал и на штык лопаткой окопал, или плиты, что на чьих-то чужих могилах в 50 метрах от склепа на бетонную площадку положены? Не худо бы нам соорудить у Кремлевской стены могилу неизвестной

поэтессы, неизвестного спортсмена, неизвестного дьякона. Пусть цветочки носят. Только у последней нельзя "вечный огонь" зажигать: в православии это всегда было символом преисподней, тартара. Одни лишь духовно глухие сергианцы могут перед "вечным огнем" кадилом махать.

В Карабаново я попал совершенно случайно, разумеется, если допустить, что в нашей жизни есть случайности. Между склепом и надгробными плитами Готовцевых, на равном от них удалении, на почетном месте у южных врат летнего храма покоится прах активиста колхозного строительства Павла Федоровича Федорова. Имена ему достались от родителя все латинские да греческие, а если на русский язык перевести и разобраться, – одна сплошная контрреволюция: "Павел" – "малый", "Феодор" – "Божий дар". Как жить с такими именами карабановскому Давыдову-двадцатипяти тысячнику? Папу не переменишь, значит, отчество не сменишь. К имени вся деревня привыкла. Если сменишь "Павла" на "Мэлса" или, на худой конец, на "Карла" или "Фридриха", все равно до конца дней своих останешься в деревне "Пашкой". Сменил он "Федорова" на "Волина", порвал с проклятым прошлым. Но доказывать преданность и верность большевик должен не только словами, но и делами. Дом, где поселили Волиных, – через дорогу от церкви, она ему – что бельмо на глазу. Вот он-то, вспоминают бабульки, ключи у старосты и отобрал. В те времена революционной романтики ключи от храма были чем-то вроде знамени полка: утеряно знамя, захвачено врагом – полк подлежит расформированию. Потом стало проще: зацепил тросом решетку ближайшего окна, дернул трактором, все замки и засовы изнутри открыл – вот и вся недолга, очаг дурмана и источник духовной сивухи ликвидирован. О ключах и прочих символах капитуляции прихожане сами забудут, когда церковь будет разграблена и опоганена, сами выкинут ключи.

Церковь Павел Федорович закрыл, а воспитанием сына пренебрег, упустил, можно сказать, сына. Через 25 лет после смерти родителя Борис Павлович Волин решил хоть чем-то загладить папины бесчинства и безобразия. Написал куда надо, собрал по окрестным деревням ту самую пресловутую "двадцатку", учредителей "религиозного общества Русской православной церкви", несколько раз съездил куда-то на своей старенькой "Волге" и получил "выписку из протокола № 14 от 13 сент. 1990 г." за подписью Г.А.Михайлова: "слушали о культовом, постановили передать молитвенное". Потом Борис Павлович начал искать священника, который в такое гиблое место согласился бы поехать. Общеизвестно, что, по церковному понятию, не 20 человек, подписавших договор на пользование храмом, а все местные жители православного исповедания во главе со священником образуют "православное религиозное общество", т.е. приход. Обличая антицерковный характер Архиерейского Собора 1961 г., архиепископ Ермоген писал: "Каноническое право говорит, что церковный приход никогда не возникал и не получал канонического оформления без

священника. История Церкви знает существование приходов, которые по условиям времени, например, в эпоху гонений не имели храма, но она не знает ни одного случая, чтобы во главе прихода не стоял священник. Не имущество церковное и даже не молитвенное здание дает жизнь приходу, а верующие – прихожане и священник. Только в их союзе и взаимодействии возможно существование христианской общины, а разрыв этой связи уничтожает понятие прихода". (2)

Естественно, Борис Павлович понимал, что существование обломков здания и "двадцатки" без священника не имеют никакого смысла, пошел в епархиальное управление, там ему случайно кто-то обо мне рассказал. На следующий день мы встретились, через месяц подружился. Как раз незадолго до нашей встречи был я на конференции в США, и одна американская протестантская община пообещала мне деньги на реставрацию бедных сельских храмов. Вот я и попросил архиепископа Александра направить меня в Карабаново. Он направил и дал еще два приписных прихода – в Княжеве и Козуре, такие же бедные в вымерших деревнях по реке Покше.

Деньги обещаны, но это еще не значит, что даны, а Егор Тимурович Гайдар уже назначен премьером, цены отпущены, все дорожает не по дням, а по часам, близится лето, работу начинать надо, на базах творится что-то невообразимое: одни и те же гвозди, трубы, цемент, кирпич и тысячи других вещей продаются "по старым" и "по новым" ценам, разница в несколько раз, в разных углах одного склада можно купить за те же деньги килограмм гвоздей и целый ящик. Такое, думаю, никогда больше в истории не повторится. Купили на одном из костромских заводов новую, в смазке, машину ГАЗ-66, вездеход для сельского бездорожья, через неделю такая же машина на том же заводе стоила в 6 раз дороже. Я не экономист и не футуролог, но понимаю, что долго так продолжаться не может.

Одолжил тысячу долларов у одного приятеля, одолжил тысячу у другого, а отдавать пока нечем, благожелательные американские друзья регулярно шлют заверения в искренней и неизменной дружбе и сочувствии к православным христианам, призывают благословение Божие на наши многополезные труды. Приятели, видя, что я очень охотно занимаю, но не спешу возвращать долги, перестали давать тысячами, и я стал просить сотни.

Летом 1992 г. в Карабаново приехала группа норвежцев. Жили неподалеку, в Иконникове, в бывшем пионерском лагере "Синие дали". Впервые в жизни они не могли принять утром теплый душ, работали вместе с нами, шутили лес, разбирали кирпичную кладку уродливых пристроек к храму, приводили в порядок кладбище, о котором в Архивной справке сказано, что на нем "погребались умершие", а потом уехали и через две недели прислали деньги, собранные для нас лютеранским пастором Инге Манцекером и ветеринаром Иоганнесом Оствайтом. Денег хватило и на уплату долгов, и на новую крышу. Потом с какими-то спортсменами случайно приехал пожилой баптист из Канады Рон и, ничего не объясняя и ни о чем не спрашивая, дал

столько же. На деньги норвежских лютеран и канадского баптиста восстановлена русская православная церковь в селе Карабанове Красносельского района Костромской области. Не побоюсь быть назойливым и повторю: Московская Патриархия по сей день не дала нашему храму ни одной копейки, не передала никакой утвари, не выдала бесплатно даже пачку свечей.

О том, что кто-то в высших церковных сферах помогает восстанавливать храмы, мы знаем только из наклеек на бутылках с замечательной экологически чистой и очень полезной водой, которую продает в России и за рубежом Костромская епархия. Областная и городская администрация безвозмездно передали епархии здание, где разместилась совместная американо-епархиальная компания по розливу воды из "Святого источника". Говорят, ее даже в Чикаго газеты очень хвалили, а деньги, написано на бутылках, идут на столь благое и важное дело – восстановление поруганных храмов. Неужели христианину на такое одного доллара жалко? Впрочем, у патриарха и архиепископа есть и другие заботы, другие статьи расходов, поважнее реставрации церквей в вымирающих деревнях российского Нечерноземья.

Готов засвидетельствовать перед крестом и Евангелием, что ни малейшей попытки совратить меня или кого-либо из наших прихожан в какую-то злосмрадную ересь никто из жертвователей ни в какой форме не предпринимал.

Много раз, устно и письменно, дома и за рубежом, мне приходилось достаточно резко критиковать различные формы так называемого "экуменизма" (3) в современном мире. За это меня публично именовали мракобесом, ретроградом, узколобым ортодоксом, православным фундаменталистом и еще как-то и как-то. Экуменизм был главным пунктом наших принципиальных расхождений и довольно резких споров с отцом Александром Менем. Здесь резко расходимся мы с Президентом Российского Библейского общества, известным московским священником о.Александром Борисовым. Споры начались более 30 лет назад, когда Московская Патриархия вступила во Всемирный Совет Церквей (4). Но сегодня никак не могу присоединить свой голос к дружному и подозрительно хорошо спевшемуся хору светских и церковных сирен и витий, взваливающих чуть ли не все наши духовные недуги и беды на злокозненных и очень богатых забугорных миссионеров, совращающих бедных и доверчивых россиян в свои секты, заманивающих их туда грошовыми подачками. Убежден: дело не в том, что ОНИ сильны, речисты, коварны или богаты. Кто и когда принимал у нас всерьез ровесника Великого Октября Билли Грэма? Беда, что МЫ, посткоммунистические православные священнослужители, слабы, духовно ленивы и безынициативны. Главная скудость Московской Патриархии не в мощне, а в духе, мы слишком долго и слишком искренне братски целовались с генерал-лейтенантами МГБ-КГБ. (5) Оттого и уповаем сегодня не на камень веры, не на обоюдоострый меч православной догматики, а на "черемуху", на дубинки ОМОНа да на все новые запретительные статьи Закона о

свободе совести. 70 лет коммунистическая пропаганда долдонила нам, что все наши беды и несчастья – из-за бугра импортированы, из чужого времени или пространства, от проклятого царизма или коварного империализма, что враг где-то там, вне тебя. Так и национал-социалисты учили. У тех и других все просто, логично и понятно. А Христос какими-то притчами говорил о каких-то бревнах и сучках. На той антихристианской закваске, на тех коммунистических дрожжах замешано тесто ненависти к зарубежным миссионерам.

Не худо бы постоянно помнить, что не из-за бугра импортированы, а густо процвели на отечественной почве и успешно расплодились по всем городам и весям и "Белое братство", и "Богородичный центр", и какие-то "Христы" – Виссарионы, Зосимы, Порфирии, и "Общество Рерихов", и еще Бог знает какие прелестные цветочки "духовности". Перечислил лишь то, о чем читал восторженные статьи в наших газетах, что рекламировало наше радио. Нечего на зеркало пенять. "Берегитесь от соблазна, откуда бы он ни шел, – предостерегал Иоанн Златоуст, – от чужих ли, или от своих".

2. Без воли епископа пресвитеры и диаконы ничего не совершают

Церковь в Карабанове закрыли и разорили в самом начале 50-х годов, когда никакой особо свирепой кампании по борьбе с опиумом для народа и с духовной сивухой в общесоюзном масштабе не велось. Закрыли ее совместными трудами светские и церковные богоборцы, не решусь отдать пальму первенства ни воинствующим безбожникам, ни правящему архиерею. Сомневающимся и удивляющимся, вздыхающим, что "тогда нельзя было иначе, приходилось идти на компромисс", т.е., попросту, сергианцам, напомним, что был в Русской Православной Церкви епископ Афанасий (Сахаров), был архиепископ Ермоген (Голубев), на совести которого нет ни одного закрытого храма, был архимандрит Таврион (Батозский), которого должны были рукоположить во епископа Курского, и были "красные попы", отправившие Ермогена на покой в Жировицы, не дававшие Афанасию служить, державшие его в заштате, согласившиеся не рукополагать Тавриона, ибо он – "фанатик".

Правящим архиереем в Костроме, когда закрыли храм в Карабанове, был один из самых выдающихся самодуров Московской Патриархии Антоний (Кротевич), повинный в сотнях, если не тысячах, злохудожеств, включая и закрытие храмов. Мой предыдущий храм, Ильинскую церковь в с.Яковлевском Костромского района, закрыл тоже он. Многие черты его поведения заставляют думать, что вряд ли он был психически нормальным человеком, но правящим архиереем он, безусловно, был.

Священники старшего поколения Костромской, Тульской, Ивановской епархии могут часами без усталости рассказывать о его безобразиях. Ни один архиерей не оставил после себя такой неувыдаемой "славы".

Теперь, правда, весело смеются батюшки, а лет 45 назад, если вызывал кого-нибудь епископ, служили молебен не о путешествующих, хоть добираться было нелегко, а о ненавидящих и обидящих нас. Вызываемый просил прощения у жены и родителей, благословлял перед своей дорогой детей, ехал в епархию словно в ставку монгольского хана. Управу на Высокопреосвященнейшего Антония искать было бесполезно: где-то там, в самых высоких верхах, у него была мощнейшая рука.

«Вызывает меня Владыка в Тулу, – рассказывал мне не один раз огромный тучный архимандрит Василий, – сразу, с порога, без предисловий, без благословения, "ты, говорит, осел, глупый, безмозглый осел, тебе нельзя ездить ни на поезде, ни на автобусе, теперь тебя будут возить по Туле на осле, чтобы все видели, кто ты есть". Дал иподиаконам сколько-то денег, велел нанять на рынке осла с тележкой, на них тогда все по рынку и с рынка возили, велел посадить меня в эту маленькую тележку, а я и тогда крупный был мужик, хоть брюхо было поменьше, и два часа возить, да непременно по центральным улицам. А за что – про что такая милость даже словом не обмолвился. Я, конечно, тоже не спрашиваю: еще пуще рассвирепеет. "Как благословите, – говорю, – Владыко". Но как только за угол завернули и Антонию из окна не стало нас видеть, я обоим иподиаконам по красненькой в зубы, один, правда, покуражился для порядка, мало ему показалось, но я больше не дал, он и успокоился. В центр везти не стали, а закоулочками да переулочками за базар завезли, там сколько надо постояли, один за пивом сбегал, а потом вернулись в епархию и доложили, что весь народ надо мною, ослом, всю дорогу животики надрывал».

«Как только он меня вызывает, я первым делом к Константину Арбузову, это его протодиакон и секретарь, – рассказывал заведующий канцелярией Саратовского епархиального управления о.Всеволод, много лет прослуживший в Тульской епархии. Антоний как-то ни с того ни с сего в порыве гнева весь рот Арбузову раскровянил прямо в алтаре, но очень ему доверял всегда. Если протодиакона дома нет, я там чего принес – мед или грибки – оставляю, а сам в Собор. Если там не найду, подкрадусь на цыпочках к калитке епархиального управления, оно от Собора совсем неподалеку, и в дырочку в воротах заглядываю. Увижу кого-нибудь знакомого во дворе, Арбузова вызову, разузнаю что к чему, зачем Владыка вызывает, а потом уж иду. Когда – сразу, когда – после обеда, чтобы он на ком-то другом зло сорвал. Один раз стал подкрадываться, а он меня издали в окно увидал, сам со двора к калитке подобрался (он шустрый был такой, на месте никогда не сидел, десять раз за день все кругом обежит), вдруг калитку распахнул и меня посохом по башке – раз! Я развернулся и деру вниз по улице к базару, а он в азарт вошел да за мной со своим дрыном, подрясник развевается, "Держи, – вопит, – держи мерзавца". На улице, вроде, никого не было, да я и не заметил бы никого. Полквартала бежал и орал, но я, конечно, помоложе, да ведь и шкуру спасал, не

догнать ему меня. Через месяц, гляжу, опять зачем-то вызывает. Оказалось – насчет оформления разных треб. О прошлом даже не вспомнил, так и не знаю, почему бегали».

Естественно, Антоний дослужился в Московской Патриархии до белоснежного митрополичьего клобука. В последние годы конфиденциально рассказывал приближенным, что после смерти патриарха Алексия (Симанского), вероятно, станет Святейшим. Но тут уж он брал не по чину, эту номенклатурную единицу замещали по решению мужей из Политбюро ЦК КПСС и высших сфер КГБ. Пришлось Антонию заканчивать свою карьеру не в Чистом переулке и не в имении в Переделкине, а на покое в Перове да Малаховке.

Как-то летом 1979 г. Саратовский архиепископ Пимен велел мне сжечь кучу старых бумаг из архива. Во время работы, просматривая некоторые из них, я встретил довольно любопытные письма, образец эпистолярного жанра наших владык. Его автор – один из известнейших и колоритнейших епископов послевоенных десятилетий.

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
ЕПИСКОП СЕРГИЙ

В/Конфиденциально.
Его Высокопреосвященству,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ
ПАЛЛАДИЮ

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО!

Дабы предотвратить могущие быть осложнения для Вас, считаю своим братским долгом уведомить Вас, Владыка, о некоем художнике ЗАБОЛОТНОМ Александре Васильевиче, проживающем в г. Михайловке Сталинградской области. Заболотный, по неофициальным данным, сотрудничал со Спаским в составлении его открытого письма. В прошлом Заболотный А.В. репатриант, белогвардеец. Имею сведения от т.Косицына, что он участвовал в войне на стороне немцев. Был осужден, но освобожден. Недавно получил советское гражданство, а то имел вид на жительство. Заболотный ведет антисоветскую оголтелую агитацию среди окружающих лиц. При этом заявляет, что он состоит под каким-то покровительством органов Министерства внутренних дел. Ссылается на свои связи с начальником паспортного стола милиции г. Михайловки т.Журавлевым и другими лицами. Держит себя с апломбом и утверждает, что он окончил Белградскую Академию Художеств, что очень сомнительно по его работам. Очевидно, он будет пытаться проникнуть к Вам и войти в доверие. Я о сем считаю нужным Вас предупредить, дабы Вы знали, что это за человек. Провокатор, хлыщ, пьяница и жуир. Он наносил оскорбления моим родственницам, предлагая гнусные альянсы (пишу в русской транскрипции). Оскорблял советских людей и постоянно грозил. Применял ко мне шантаж в стиле западных авантюристов.

О нем может дополнить т.Косицын, уполномоченный по делам Церкви, он еще более осведомлен о нем, чем я.

Пользуюсь случаем свидетельствовать Вашему Высокопреосвященству мое уважение и братскую преданность.

Подпись

Я с особенным интересом перечитываю сегодня это письмо-характеристику "некоего художника и белогвардейца Заболотного", потому что и мой правящий архиерей, архиепископ Вологодский Михаил

(Мудьюгин) несколько лет назад, уже в годы перестройки, рассылал примерно такие же письма-характеристики о некоем священнике Георгии Эдельштейне, оскорбляющем советских должностных лиц, например, вологодского тов.Косицына, умело пользующемся высокогуманным советским законодательством и применяющем шантаж в стиле западных авантюристов. Разумеется, все подобные характеристики пишутся и рассылаются "В/КОНФИДЕНЦИАЛЬНО". Попробуй, опровергни "сведения от тов.Косицына, уполномоченного по делам церкви", если непосредственный начальник всех косицыных – тов.Г.Г.Карпов, генерал-лейтенант МГБ. Десятилетиями астраханские, вологодские, костромские, московские т.косицыны подбрасывали епископам в устных беседах сведения об оголтелой антисоветской пропаганде, об участии в войне на стороне немцев, обо всех инакомыслящих, инаковерующих, диссидентах, хлыщах, пьяницах и жуирах, а Высокопреосвященнейшие Владыки, тоже в/конфиденциально, сообщали тов.косицыным все, что им удалось разведать, узнать, услышать об антисоветской деятельности любых антисоветски настроенных элементов. Все эти ушаты безусловно правдивой и совершенно объективной информации Владыки распространяли устно и письменно, а слово епископа звучит весомее слова уполномоченного Совета по делам религий.

Сколько я ни писал самому архиепископу Михаилу, управляющему делами Московской Патриархии митрополиту Владимиру, в Синод, патриарху, требуя церковного суда, требуя предать гласности "В/КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЕ" характеристики, опубликовать их, мне ни разу даже не ответили. Таков не епископ Михаил или Сергей. Такова Московская Патриархия. Основное качество наших архиереев – они СЕРГИАНЦЫ, т.е. СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ, они воспитаны советской властью. Они никогда не скрывали этого, они даже не мыслят себе, что кто-то может быть членом Русской Православной Церкви и не быть советским человеком, что какой-то человек может жить не в Советском Союзе, а в России в годы правления Сталина, Хрущева или Брежнева.

С ноября 1979 г., с первого дня, когда я стал священником, я не осквернил свой язык произнесением слова "товарищ" (б), я не принял и не распечатал ни одного почтового отправления, на котором было написано "т.Эдельштейну": священнослужитель не может обращаться так ни к кому ни устно, ни письменно. Как-то Вологодский райфо пожаловался уполномоченному Совету по делам религий по Вологодской области Николаеву, что я отправляю им письма, не распечатав. Николаев запросил Совет по делам религий, и Москва подтвердила: священник – не "товарищ", ему нужно писать "служителю культа Эдельштейну". Уполномоченные, да и любые другие советские чиновники понимали меня очень хорошо, архиепископ Михаил долго отказывался понять, рассказывал, что так обращались друг к другу купцы, в слове нет ничего зазорного, епископ Сергей, боюсь, вообще никогда бы не понял, ему эмгэбэшник Косицын - товарищ, а я знаю

это слово только в одном значении - "партайгеноссе". Ленин, Сталин, Дзержинский, Берия, Зюганов, Анпилов, Лигачев да Александр Яковлев друг другу товарищи.

№ 2480 24 октября 1956 г. Конфиденциально (разумеется - Г.Э.)

Высокопреподобному протоиерею Д.Днепровскому,
Благочинному 1-го Сталинградского округа.

Прошу Вас затребовать объяснений у прот. Сергея Соловьева, почему не охвачены подпиской на заем выпуска с/года следующие лица: гр-н Щеглов И.С. - п/старосты, Андреев Я.П. - шофер, Бондаренко К.П. - певица-дискант, последняя отказалась. Как советский человек может отказаться? Не представляю, разве нельзя было ее подвергнуть общественному ostrакизму? Савинков Ф.Ф. - тенор. Уж не родственник ли знаменитому Б.Савинкову, эсеру?

По получении объяснений благоволите меня уведомить докладом о сем.

Сергий, Епископ Астраханский и Сталинградский.

Это не сталинские времена, а хрущевские, помню, даже преподаватели пединститута отказывались подписываться на тот заем, их потаскают, потреплют нервы в партбюро да в профкоме и оставят в покое. И епископ с благочинным - такое же партбюро.

Туркам, кстати, хватило ума и такта оставить за Вселенским патриархом титул Константинопольского, сами патриархи тоже отказались от сомнительной чести именоваться "Стамбульскими", хотя это слово, казалось бы, нейтральное. Сергианцы же никогда не гнушались титуловаться "Ленинградский", "Сталинградский", "Молотовский", "Свердловский", "Куйбышевский", да они и по существу были таковыми. Учение об имени - чрезвычайно существенная часть православной догматики, согласно учению Отцов Церкви, имя - икона.

3. Советские архиереи не собираются ни от чего отречься и ни в чем приносить извинения

Я был рукоположен в ноябре 1979 г. Мне выпала редчайшая удача: все годы служить под омофором лучших (по общему признанию, бесспорно лучших!) архиереев Московской Патриархии. Я думаю, этот опыт был дарован мне для того, чтобы я мог полюбить человека и возненавидеть грех его, чтобы я был избавлен от соблазна свалить наш общий грех на конкретного Ивана, Петра или Сидора, на Антония, Сергия, Никодима, Филарета. Все мы возросли на древе сергианства, у нас общий корень, общие питательные соки, и все мы повинны этому тягчайшему греху Московской Патриархии. Просто одни ему вяло сопротивлялись, другие оправдывали хитрыми силлогизмами, третьи активно укореняли, распространяли. И продолжают оправдывать, укоренять, распространять. Невозможно не прийти в мир греху, но горе человеку, через которого грех приходит.

Бог миловал, мне никогда не довелось стоять у Святого Престола ни с одним из постоянных членов Священного Синода, (7) ни с такими известными на всю Россию злохудожниками, как митрополит Воронежский Мефодий, как митрополит Тульский Серапион, как где-то там опять правящий Гавриил Стеблюченко. Мне никогда не пришлось давать кому-либо из них братское целование перед началом Евхаристического Канона и бесстыдно лгать перед совершением величайшего в мире чуда: "Христос среди нас". – "И есть, и будет".

Рукополагал меня и во диакона, и во иерея архиепископ Хризостом, тогда – Курский и Белгородский, потом – Иркутский и Хабаровский, ныне – Виленский и Литовский. Нет необходимости подробно доказывать, что он – один из лучших правящих архиереев Московской Патриархии. Достаточно сказать, что он – единственный архиерей, который имел мужество честно и открыто признать, что, будучи священнослужителем Русской Православной Церкви, добровольно сотрудничал с КГБ, оставался епископом, преемником Святых Апостолов, верных учеников Христа, и одновременно - сексотом, преемником того, кто предал и продал Христа. И так продолжалось более 18 лет. Он сам назвал и свою кагэбэшную кличку – "Реставратор". Ни один из его высокопоставленных собратьев – ни "Дроздов", ни "Адамант", ни "Антонов", ни "Островский", ни "Михайлов", ни "Павел" о подобном духовном подвиге даже не помышляют. Героическое гэбэшное прошлое нисколько не мешает им сегодня заседать в Священном Синоде, приносить бескровную жертву, произносить перед Святой Чашей слова: "Не врагом Твоим тайну повем, не лобзания Ти дам, яко Иуда". У них по-прежнему якобы лишь два имени – мирское и монашеское, третьего – тайного псевдоимени, которое дали и которое знали одни только враги Христовы, – у них якобы нет. (8)

"Я ДОБРОВОЛЬНО СОТРУДНИЧАЛ С КГБ", – так озаглавлено интервью архиепископа Хризостома в газете "Московский Комсомолец" 30 ноября 1993 г. Знаменательно уже то, что Виленский архиерей согласился сотрудничать с корреспондентом этой газеты, Святейший Патриарх предпочитает печататься в газете "Правда", митрополит Петроградский – в "Советской России" и в газете "Завтра". У каждого свой орган печати.

«Я был правящим архиереем 10 лет, с 1974 по 1984 год, я рукополагал в священники многих людей с высшим образованием, а также и лиц еврейской национальности, что являлось само по себе криминалом. У меня была масса неприятностей с КГБ и с уполномоченными Совета по делам религий. И вот терпение КГБ, видно, лопнуло, и меня отправили в ссылку, потому что местные курские власти были раздражены до предела. 5 лет я провел в Иркутске, затем был переведен в Литву и имел мужество не дать себя втянуть в эту грязную войну против возрождения литовской самостоятельности. Добрые наши православные патриоты обещали меня убить, организовали травлю в русскоязычной прессе и "Советской России". У меня возник конфликт с Москвой, с КГБ, и вот тогда, в 1990 году, я порвал с

органами КГБ. Именно из-за литовского вопроса. Я просто отошел.
– Госбезопасность, как всякая женщина, не любит, когда ее бросают...

Мне немного повезло – было междуцарствие – один патриарх умирал, другой только готовился принять сан. Когда же архиерейский Собор избрал в 90-м году Его Святейшество Алексия II, он тут же вызвал меня на ковер. Было это 5 сентября. На столе перед ним лежала огромная кипа жалоб. Он посмотрел на меня с интересом и сказал: "Вот все это, Владыка, против Вас". И тут я впервые в здании Патриархии, где повсюду уши, открыто заявил, что вся эта травля организована КГБ, потому что я порвал с ними. Мои слова произвели шок – у нас не принято было вслух говорить о КГБ, ведь многие с ним сотрудничали, тем более чиновные архиереи. Я же первый заговорил на эту тему».

Ответ удивительнейший. Корреспондент спрашивает Хризостома о реакции КГБ, а он без предисловий отвечает, что ему повезло, ибо в Московской Патриархии было междуцарствие. Он объясняет нам, невеждам, что всю самую грязную работу КГБ всегда делал руками "чиновных архиереев", как именует их Хризостом. Он отлично знает, что ныне здравствующий патриарх десятилетиями был среди епископов одним из самых откровенных информаторов органов. (9) Как официально заявляли члены специальной Комиссии Верховного Совета России, агент "Дроздов" еще в 1988 г. был награжден специальной почетной грамотой КГБ СССР. ("Экспресс-Хроника", № 4 (338), 28.01.1994). Московская Патриархия никогда не пыталась даже опровергнуть хоть один факт из отчета Комиссии.

Но в том же интервью перед нами предстает и совершенно другой Хризостом – заурядный "советский архиерей", сергианец никодимовского согласия. Признаться в сотрудничестве он может, но покаяться в этом – нет, ибо покаяние означает осуждение всей системы, осуждение сергианства, осуждение никодимовщины, полный разрыв с церковно-государственными структурами, со всем гнездом птенцов никодимовых. Ничего подобного Хризостом никогда не посмеет сделать.

– А не было у Вас желания перейти в другую юрисдикцию, скажем, в Зарубежную Церковь?

– Дело в том, что я не разделяю позиции карловацкой церкви, я, как они выражаются, "советский архиерей" и не собираюсь ни от чего отречься, ни в чем приносить извинения. Я жил в Советском Союзе, я был гражданином своей страны, я имел контакты с советской властью, я добровольно сотрудничал с КГБ, меня никто к этому не принуждал, и мне стыдиться не за что.

В другом интервью архиепископ Хризостом говорил: "Среди нас, архиереев, есть настоящие гэбэшники. Вот, например, митрополит Мефодий Воронежский. Он офицер КГБ и атеист".

Слово "гэбэшник" не только обозначает профессию, но и ясно показывает отношение говорящего к этой профессии. Какие же из них "настоящие"? По какому критерию следует отличать "советских

архиереев, добровольно сотрудничающих 18 лет с КГБ и не стыдящихся этого" от "чиновных архиереев, сотрудничающих с КГБ" и от "настоящих гэбэшников"? В какую группу отнести маститого протоиерея, настоятеля одного из известнейших московских храмов, который, как пишет Барон в своей известнейшей книге "КГБ", многие годы был резидентом советской разведки на Ближнем Востоке?

6 декабря 1991 г. мне довелось несколько часов беседовать с бывшим высокопоставленным советским дипломатом, бывшим заместителем Генерального секретаря ООН Аркадием Николаевичем Шевченко. Он очень весело рассказывал о шефе всех гэбэшников Нью-Йорка Борисе Александровиче Соломатине. По его словам, это был коренастый генерал-майор на должности резидента. Официально он числился заместителем Постоянного представителя СССР при ООН и был в ранге министра. В начале 70-х гг. на одном из официальных приемов по случаю очередной годовщины Великого Октября Б. Соломатин указал на стоявшего неподалеку человека в рясе и с панагией: "Это у нас генерал". Шевченко решил, что генерал-майор шутит, но тот повторил опять очень серьезно: "Генерал в нашей системе". Б.А.Соломатин рассказал А.Н.Шевченко, как КГБ постоянно внедряет в клир Московской Патриархии определенное число выпускников Высшей школы КГБ для пожизненного сотрудничества. "Приходят в Церковь лейтенантами, а потом постепенно продвигаются по службе, некоторые до очень высоких чинов".

Архиепископа Хризостома я впервые увидел 1 октября 1979 г. в здании ОВЦС, что на улице Рылеева в Москве. Я пришел к самому началу рабочего дня, но Хризостом пришел еще раньше и уже был в кабинете с какой-то японской делегацией. Типичный гэбэшник за столом у входа (то ли он швейцар, то ли курьер, то ли референт) отказался пропустить меня к заместителю председателя Отдела: он, де, занят и вообще по личным вопросам не принимает. Доложить обо мне Хризостому тоже отказался. ("У нас в ОВЦС и в Совете по делам религий кругом сотрудники КГБ", – говорил Хризостом в том же интервью.) Я сел на стул в передней и просидел на нем, не вставая, почти 7 часов. Мимо дважды проплывал Высокопреосвященнейший председатель ОВЦС митрополит Ювеналий, к нему со всех сторон бросались под благословение, я не мог заставить себя встать, сидел, словно приклеенный. В конце рабочего дня ко мне неожиданно подошел Хризостом. "Вы чего здесь сидите? Кого ждете?" "Вас, Владыко". "Хорошо, через 15 минут приму." И действительно, принял через 15 минут, а через месяц вызвал телеграммой в Курск и рукоположил.

Во время беседы в кабинете состоялся очень характерный диалог. "Почему раньше ко мне не обращались, если епископ Викторин Вам советовал?" Я ничего не ответил, и Хризостом прореагировал мгновенно: "Гэбэшниками нас всех считаете?" "Ты глаголеши, если простите, Владыко". Хризостом не ответил. Но, провожая меня, у самой двери, вдруг, казалось бы ни с того, ни с сего, тихо, словно сам

себе, сказал: "Напрасно все так гэбэшников боятся, они не самые страшные, с ними можно договориться, они хоть что-то понимают. Хуже всех партийные функционеры, с ними ни о чем говорить нельзя, они ничего понять не способны".

За 30 месяцев служения в Курско-Белгородской епархии я встречался с правящим архиереем раз десять, не более, но каждая встреча оставила какое-нибудь очень яркое впечатление на много лет.

Прежде всего, фантастическая работоспособность. Ежедневно с понедельника по пятницу он – в ОВЦС, люди с утра до позднего вечера, одна за другой деловые встречи, иностранные делегации, с каждой нужно не просто приятно побеседовать, но и решить какие-то вопросы, а потом написать агентурный донос "куда надо". Десятки телефонных звонков из церковных и светских учреждений. В пятницу вечером – на поезд Москва - Курск, в субботу утром – Литургия и, как правило, диаконская или иерейская хиротония. Потом целый день напряженная работа в епархиальном управлении. Настоятели храмов, старосты, самые разные другие посетители. Назначения, перемещения, склоки, разносы, финансовые дела, строительство епархиального управления. Стиль руководства – волевой, все решает только сам владыка. Секретарь – просто технический исполнитель и мальчик для битья. В субботу вечером Всенощное бдение, в воскресенье утром – Литургия и, как правило, еще одна хиротония. В воскресенье вечером служба и прямо из Собора – на поезд Курск - Москва. В понедельник утром – ОВЦС.

Такой же работоспособности он неукоснительно требовал от всех в епархии.

"Владыко, – спрашиваю его как-то за обедом в его доме, за столом больше никого нет, – где Вы научились так безжалостно относиться и к себе, и к другим людям?" "Митрополит Никодим научил, – отвечает без запинки. – Вот кто действительно работать умел, а я только посредственный ученик его". Имя Никодима (Ротова) Хризостом произносил не очень часто, но непременно с каким-то несвойственным ему неподдельным трепетом в голосе, словно прикасался к святыне. "Мне бы хотелось, отцы, предупредить Вас, – обратился он как-то к священникам кафедрального Собора, - я человек очень горячий, вспыльчивый, мне иногда трудно бывает контролировать свои эмоции. Если кто-то грубо оскорбит меня или намеренно сделает какую-то подлость, я могу вспылить и отвесить обидчику полной мерой. Даже с добавочкой, с походом, – поглядел он на протоиерея Льва Лебедева, который только что при всех действительно нахамил ему из-за ектении об оглашенных. Но если мне дать одуматься, если пройдет всего несколько минут, я легко успокоюсь и всегда прощу. Вы все знаете по опыту: я не злопамятен, я не умею мстить. Но если кто-то посмеет неуважительно отозваться о митрополите Никодиме, – берегитесь, отцы! – я долго не прощу. Пожалуй, не прощу нахалу никогда".

"Настоящего образования у меня нет, ни светского, ни духовного", – любит, чуть кокетничая, повторять Хризостом, понимая, что отсут-

ствие школы он отлично компенсировал природным умом и самообразованием. Системы нет, но знания во многих областях обширные. «Знаете, отцы и братие, если я просил митрополита освободить меня на два-три дня, чтобы подготовиться к экзаменам, он обычно говорил: "Погоди, сделай пока вот что, вот что и вот что, дела очень важные и срочные. А когда полетим (или поедем) туда-то, я тебя ничем занимать в самолете не буду, вот и подготовишься"».

Через два дня после иерейской хиротонии, 13(26) ноября, архиепископ пригласил меня вместе со всеми священнослужителями Собора на обед по случаю дня своих именин. Сам почти не ест, выпил две небольших рюмки коньяку (никакого шика, очень дешевый в те годы трехлетний армянский) и все время говорит. На столе бутылок нет. Милый, тихий, болезненный дьякон Василий бесшумно скользит вокруг стола и наполняет рюмки. Но выборочно. Изредка ловит взгляд архиерея и безошибочно прочитывает там все приказы и рекомендации. Отцы, кому еще подливают, держатся свободно, исправно опорожняют рюмки, непрерывно жуют, время от времени подобострастно хихикают и всем корпусом демонстрируют почтительнейшее внимание и безусловное согласие со словами владыки. Не хихикает и не пьет лишь о.Лев Лебедев. Говорят, пить ему нельзя, у него ампула защита.

– Как вы думаете, отцы, – спрашивает Хризостом, – какой самый непростительный грех для священника? Давайте по старшинству. Как Вам кажется, отец Никодим?

– Гм-гм. Простите, Ваше Высокопреосвященство, я человек маленький, но я думаю – сребролюбие, любостяжание, а? Ведь на приходах постоянные ссоры и споры между священниками, между причтом и церковным советом. И в большинстве случаев из-за денег. До рукоприкладства, бывает, доходит.

– Ну конечно, о.Никодим, кто про что, а вшивый про баню. Вы ведь человек не только маленький, но и бедный. Нищенской зарплаты настоятеля кафедрального Собора плюс зарплаты секретаря епархиального управления Вам, конечно, хватить не может. Доброхотные подаяния на ектениях и на требах тоже невелики. У Вас дочь на выданье, сын студент, каждому вот-вот понадобится отдельный дом и машина, а Вы – бессребренник. Нет, вынужден Вас разочаровать. Хапуг и стяжателей я очень не люблю и часто строго наказываю, могу даже выгнать: тут до иудиного греха недалеко, но хоть как-то понять могу, как понимаю Вас, о.Никодим. Нет, не то.

Что бы Вы сказали, о.Николай? – Простите великодушно, Владыченька, даже и не знаю, что сказать. Если прелюбодеяние, нарушение супружеской верности?

– А-а-а, то-то Вы все ходите франтом, от бороды и усов непременно какой-то помадой несет, не подходит такой запах протоиерею. Берегитесь, о.Николай, такой грех понятен всякому: сладко ел, мягко спал, коньячком не в меру баловался, тут плоть и взыграла. По-человечески понять и объяснить могу, но как правящий архиерей обязан запретить

в священнослужении. Уже запрещал, Вы знаете. Отцы, все гораздо проще и непонятнее. Грех, который я никак в толк взять не могу и никому простить не могу, – ни диаконам, ни священникам, ни своим собратьям епископам – это болтовня в алтаре. Облачился, подходит к жертвеннику, будет проскомидию совершать и тут же рассказывает дьякону, как по грибы ходил или где горбушу покупал, или как на Сейм купаться вчера ездил: Тускарь теперь невыносимо грязная стала. Я бы такого священнослужителя с позволения сказать пинком из алтаря вышиб и больше никогда туда не пустил, делать ему в алтаре нечего. Мотайте на ус, отцы и братие.

Пасха 1980 года, моя первая Пасха. В среду или четверг на Светлой Хризостом собрал все наше благочиние в Валуйках у иеромонаха Иосафа. (10) Закончилась Божественная Литургия, архиерей сидит во главе стола желто-зеленый, ничего не ест, пьет морс, пояснил: накануне на каком-то приходе отравился творогом, всю ночь не спал, но в Валуйки все же приехал. "Вы, батюшки, кушайте, не смущайтесь, не смотрите на меня. Вы ведь все семь недель Поста усердно постились и молились. Вот поглядите на отца Евгения – отъявленный постник и молитвенник, в непрестанном духовном подвиге подвизается. Теперь и наверстать за все 49 дней не помешает".

В Валуйках я впервые узнал, что фуrowsкий секретный доклад для членов ЦК КПСС о работе Совета по делам религий, за который посадили о.Глеба Якунина (11), уже опубликован где-то за рубежом: Хризостом при всех пересказал первую главу, перечислил почти всех архиереев, которые попали в третью группу. Он не скрывал, что гордится характеристикой, которую дал ему В.Фуrows. – "Простите, Владыка, а кто из архиереев самый благонадежный, кто лучше всех сотрудничает с безбожниками, кто стоит первым в первой группе?" – "Фу, о.Андрей, никак не ожидал от ВАС такого вопроса. Конечно, Святейший, кому еще стоять на этом почетном месте?" – "Простите, а второй кто, сразу за патриархом?" – "Опять очень наивный вопрос. Разумеется, Управляющий делами Патриархии. Как у Вас дела на приходе, о.Маркиан?"

Последняя наша встреча в Курско-Белгородской епархии. Архиепископ приехал в село Коровино, отслужил Литургию и говорит прихожанам, что, с его благословения, я перехожу в Вологодскую епархию. Приход здесь маленький и бедный, дома для священника с семьей фактически нет, поэтому постоянного священника в Коровино он пока дать не может, иеромонах Макарий из Погромца будет некоторое время совмещать службу на обоих приходах. Храм почти полон, народу не меньше, чем на Пасху: епископ в Коровине впервые, ни одна самая ветхая бабулька во всей округе не припомнит такого события. Революцию кое-кто помнит, коллективизацию и раскулачивание очень даже хорошо помнят. Как попа Онисима, дядьку нынешнего председателя сельсовета, на общем колхозном собрании председатель приговорил к высшей мере социальной защиты не только Дунька-звонарка, но и другие помнят. Правда, приговор тогда в исполнение не

привели. Прямо из клуба повели попа на полянку за околицей и велели могилу себе копать. Потом председатель трижды дал попу, стоящему по пояс в могиле, понюхать наган и отпустил "пока", но велел остричь космы, побриться и сменить "балахон" на косоворотку, "чтоб на человека был похож". Беда с этими "балахонами", почему-то никто не может и не хочет запомнить, как называется одежда священника. Главный специалист "Известий" по вопросам религии и церкви, плодовитый журналист Константин Кедров писал в номере от 4 апреля 1995 г: "Когда депутат Марычев в милицейской фуражке глумится над сутаной Глеба Якунина, называя ее халатом, сжимается сердце у всех верующих христиан". Почему журналист (как, впрочем, и редактор) обязан знать разницу между фуражкой, кивером и чепчиком, но не обязан отличать рясу от сутаны и от подрясника, в котором чаще всего ходит Глеб Якунин? Не удивительно, что в той же статье К.Кедров причисляет злейших врагов Христианства – Рерихов – чуть ли не к столпам православной культуры. Тут же всплывает развесистая клюква о какой-то "анафеме" Льву Толстому, которая, де, заставила содрогнуться мыслящую Россию. Содрогнуться и отвернуться от Православной Церкви. Не отличить статью духовного сына о.Александра Меня от трудов доцента кафедры научного атеизма. (12)

Я давно говорил коровинским прихожанам, что скоро должен буду уехать, но они не принимали мои слова всерьез. А тут поняли, что архиерей не шутит и не пугает и, чувствую, вдруг озлобились, не очень пока уверенно, но уже начинают Хризостому хамить, что он, мол, нарочно меня отсылает, а другого священника давать не хочет, приход надумал закрыть. Хризостом тут же цепко ухватил глазами крикуш, спустился с солен, благословил бабу Марину, похлопал по плечу Гальку, потом еще одну, другую. "Почему у вас в храме сто женщин и только четверо мужчин, да и те – старики? Где ваши сыновья и внуки? Вы сами сумели сохранить православную веру, вы три года ездили в Курск, ездили в Москву и добились разрешения открыть приход, отремонтировать церковь. Вы вместе с о.Георгием восстановили храм из руин, я восхищен вашими трудами, ведь вы все сделали своими руками, но я желаю, чтоб вы больше занимались своими душами, чем кирпичами, тесом, штукатуркой. Каждая христианская семья – это малая Церковь, и мы все призваны ее созидать, эти церкви тоже лежат в руинах, вы утратили своих детей, как пастух теряет овец. Если бы кто-то из ваших сыновей регулярно участвовал в Богослужении, изучил его, я направил бы его в семинарию или обучил бы в нашем Соборе, а потом он учился бы заочно. Вот и был бы у вас постоянный священник, здесь его семья, его дом, его глубокие корни.

Это трудно, конечно, но разве моей матери было легче? Я родился в рязанской деревне, моя мать – такая же, как вы, простая русская женщина. Ей очень хотелось, чтобы я женился, хотелось нянчить внуков, но мой учитель митрополит Никодим сказал, что я должен стать монахом, так нужно Церкви. Она поплакала и согласилась. Не бойтесь читать детям Евангелие, не бойтесь надевать им кресты на

шею, не бойтесь воспитывать их христианами, привозите их в Курск — и у вас будет священник".

И, наконец, еще один очень характерный для Хризостома эпизод, который, к сожалению, я знаю только по рассказам нескольких участников. Произошло это сравнительно недалеко от Коровина, в Новом Осколе. Я довольно часто бывал там и встречался с настоятелем тамошней церкви протоиереем Василием Герасимчуком. У него всюду были друзья-приятели, он постоянно помогал мне и другим священникам достать то тес, то кагор, то гвозди, то вазелиновое масло для лампад. Правда, не всегда бескорыстно: мог подsunуть и свой залежалый товар по цене нового. У него была квартира в Харькове, он часто туда уезжал, и пока отсутствовал, я совершал на его приходе требы, чаще всего — отпевания. Деньги шли в Коровино, они существенно помогли нам расплатиться с кровельщиками.

Если разговор заходил о Хризостоме, о.Василий непременно начинал его с набора презрительных кличек. «Хм, Хрысю ведь, твоего любимого, скоро выгонят из Курска взашей, теперь уж точно, недолго ждать, не засидится, мне верные люди в Москве сказали. В Тьмутаракань на царство, в Забво, архиепископом Иркутским и Якутским. На санях да на собаках будет владения свои объезжать, он любитель по епархии все время шастать. Тоже мне, ар-хи-е-рей. Я уже протоиереем был, когда он маляром трудился, реставратором себя именовал. Он самый настоящий Хризостович, а не Хризостом, поэтому и тебя рукоположил. Если б не он, не видать бы тебе священства, ты только не обижайся, у нас теперь половина епархии таких.

Приехал он как-то ко мне служить, по своей шпионской манере не предупредив никого: ему, видать, донесли, что я иногда службу позже начинаю, мечтал подловить в постели, а потом взгреть, что "Правило" не вычитываю. Так я без "Правила" не хуже его служу. Как-то вдруг вздумал учить меня под благословение подходить, нельзя, мол, при этом рукой об руку шлепать. Ладно, в кровати меня не подловил, отслужили обедню. Он стоит как всегда по струночке, с ноги на ногу не переступит и по сторонам не глядит. Эх, думаю, тебя бы на Пост № 1 к Мавзолею ставить. После службы мы с матушкой к нему так, шутя, но без фамильярности: "Простите, Владыка Святой, Вы ведь внезапно, без предварительного уведомления, мы достойно подготовиться для встречи гостя не успели, не благословите ли скромную трапезу, можно сказать, чаек на скорую руку после трудов праведных. Не взыщите только, Бога ради, за простоту и скудость, не взыщите, мы тут деревенские, все попросту, но всегда от чистого сердца".

Он кисло так улыбается, входит сюда в дом, вот здесь встал, глядит на стол во всю длину, где бутылок 20 отборнейших коньяков, ты же знаешь, я — любитель, цену, у меня одесского или дагестанского не бывает. Там икорка в вазочках, балык, семга, язык заливной, колбасу кровяную успели только что с мясокомбината примчать, дымится еще, аромат — обалдеть. И он, не садясь, без предисловия, налил кровию и начинает меня при всех крыть, как последнюю шлюху подзаборную.

Ты, кричит, подлец, вор, негодяй, ты церковь всю обокрал, она у тебя грязнее хлеба. Вот когда у тебя будет храм чистый и богатый, как сейчас дом, а в доме пусть будет хоть как в храме сейчас, я к тебе приеду и за стол с тобой сяду. Развернулся – и в машину, за ним вся его сволоочь архиерейская. Не простясь и не благословясь. Вот кто тебя рукоположил, пойдя, поцелуйся с ним, хамом».

Ту же историю я слышал от иподиакона, факты в основном совпадали, но оценка поведения сторон несколько отличалась. "Встали мы в четыре, спать охота, но ничего, едем бодро, знаем, что у о.Василия трапеза всегда обильная, требы короткие, не задержит. Коньяки на всем столе настоящие, не только возле архиерея одна бутылка или две, а в остальных бормотуха, а то и самогон подкрашенный. Вполне может и домой по бутылке беленькой благословить: вы, мол, вечером дома, подальше от архиерейских глаз, примите с устатка тайнообразующе. И по красненькой на брата. Даже, бывало, по четвертаку прикидывал, если все гладко проходило весь день. А тут на стол поглядели, на икру облизнулись – и домой. Владыка ее каждый день на приемах в Москве вкушает, она ему – вредная, а нам – полезная. Посидел бы для порядка часик за столом, вызвал бы настоятеля в другую комнату и дал прочуханец. И всем хорошо, никто не в обиде".

Еще один немаловажный штрих к портрету. В 1987-1988 гг., когда светские и церковные функционеры не давали мне служить, я много раз бывал в Совете по делам религий. Ни о ком тамошние чиновники не говорили так злобно, как о Хризостоме. О других "архиепископ Михаил", "Владыка", "архиерей", а о Хризостоме почти никогда даже просто по имени, только – "Мартишкин". "Мартишкин локотки теперь кусает, что Вас рукоположил. Да и не только Вас, еще парочка таких же кадров у него в Курске была. Беседовали мы с ним, не послушался, пусть на себя пеняет". Г.А.Михайлов, тот что подписал постановление об открытии церкви в Карабанове, был более сдержан, но во время всех бесед, на каждом приеме был еще один, он теперь активист всемирного молодежного христианского движения, говорят. Тот в выражениях не стеснялся. Думаю, он кадровый офицер КГБ.

Не было за все годы моего священства ни одной проскомидии, на которой я не помянул бы рукоположившего меня архиерея. Не формально, не по обязанности, а с глубокой признательностью и любовью. Но, памятуя его завет, рискуя навлечь на себя гнев, не могу не сказать с полной ответственностью за свои слова: все его недостатки – от митрополита Никодима, самого советского из советских архиереев. В Никодиме – квинтэссенция сергианства. От Никодима завет, что в тайном сотрудничестве священника с врагами Церкви нет ничего постыдного, важна цель, а не методы ее достижения. "Мы спасали Церковь", – надменно провозглашают все никодимовцы. Ради высокой цели ничуть не зазорно сотрудничать с коммунистами, с фашистами, быть митрополитом и одновременно офицером КГБ или гестапо. Где грань? Что НЕ ДОЗВОЛЕНО священнослужителю?

В истории Русской Православной Церкви Никодима можно сравнить разве что с Феофаном Прокоповичем, но Феофан сотрудничал с Петром I, а Никодим – с В. Куредовым.

Вот устами Хризостома говорит Никодим:

- Я советский архиерей и не собираюсь ни от чего отречься, ни в чем приносить извинения. Я жил в Советском Союзе, я был гражданином своей страны, я имел контакты с Советской властью, я добровольно сотрудничал с КГБ, меня никто к этому не принуждал, и мне стыдиться нечего.

Попробуем заменить "Советский Союз" на "Третий Рейх", "КГБ" – на "гестапо", и Хризостом сам ужаснется своим словам. Надеюсь, нет в Русской Православной Церкви человека, который дерзнет произнести их в такой редакции. Но кто мне объяснит разницу между дамой приятной во всех отношениях и дамой просто приятной?

А вот в Хризостоме говорит Хризостом:

- Началось все с моего назначения заведующим канцелярией в Отделе внешних церковных сношений. – Должность ведь кагэбэшная? – ДА, СТРАШНАЯ.

Что же тут страшного, Ваше Высокопреосвященство, ведь Вы – советский человек; ведь Вы – добровольно, ведь Вы спасали Церковь.

4. Под омофором профессора Петербургской духовной академии

В сентябре 1981 г. архиепископ Хризостом вызвал меня в Курск. "Отец Георгий, в ближайшие месяцы меня переведут, Вы будете одним из первых, на кого обрушится вся мощь репрессивного аппарата. Во-первых, потому, что Вы – слишком одиозная для них фигура, за два года службы Вы доставили районным властям и уполномоченному массу хлопот, но, должен признать, и множество глупостей при этом наделали, часто вели себя как мальчишка, конфликтовали по всяким пустякам, давали им повод. Я далеко не во всем одобряю Вашу деятельность на приходе. Вы много раз откровенно издевались над уполномоченным Совета по Белгородской области, а он, поверьте моему опыту, мой опыт намного богаче Вашего, он – далеко не самый плохой из уполномоченных, хотя в первые годы постоянно доносил на меня в Совет.

Во-вторых, потому что стараются всеми способами досадить мне, искоренить все, что я за восемь лет здесь насадил. Вы знаете, что за это время я открыл в епархии более сорока приходов, таких как приход Иоанна Богослова в Коровине. Они прежде лишь числились на бумаге, но службы не было, священников не было. Как только меня уберут, они постараются все новые приходы закрыть.

- Сколько у меня времени на размышление, Владыко?

- Перевести могут в любой день, но со мной не так легко справиться, я колючий. Даю Вам месяца два – три.

Я тут же поехал за советом в Саратов к архиепископу Пимену, которому очень доверял. Он сказал, что вологодский архиепископ Михаил – один из лучших архиереев. И Кострома, где живет моя семья, рядом. По дороге домой я заехал в Семхоз, где жил о.Александр Мень, мы были друзьями с начала 1962 г. О.Александр сказал, что вологодский архиерей – человек прогрессивный и широко образованный, профессор Ленинградской духовной академии, она намного лучше Московской. И притом – по кафедре основного богословия. Я весело рассмеялся и сказал, что дней десять назад беседовал с одним из выпускников Ленинградской академии. Он считает, что образование, полученное им в семинарии и академии, прошло как бы мимо него, очень низкий уровень преподавания, талантливых педагогов не было, оставляли только послушных, угодных КГБ. Не зря же епископ Кирилл остается там ректором. Собеседнику своему я верю, веришь ему и ты. Правда, он – никодимовец, но по мелочам не врет. Это – Хризостом. Решено, значит, Вологда. Написал и получил ответ.

"Досточтимый отец ГЕОРГИЙ, пишет Вам секретарь Вологодского епархиального управления протоиерей Владимир Завальнюк.

По благословию нашего Владыки МИХАИЛА, я познакомился с Вашими документами, которые и на Владыку, и на меня произвели хорошее впечатление. Владыка с радостью бы Вас принял, но в данное время есть тормозящие причины в этом благом деле. Первая причина та, что нет вакантных мест. Вторая – что уполномоченный на больничном до Нового года, что затрудняет оформление, поэтому, если есть у Вас возможность подождать какое-то время, то повремените.

Мы всегда готовы поддерживать с Вами самые добрые отношения. Если пожелаете приехать к нам для личного знакомства и переговоров, пожалуйста, милости просим: Владыка сказал, что проездные расходы будут в любом случае оплачены.

Подпись.

Дело с переходом затянулось до мая 1992 г., когда я получил телеграмму за подписью о.Владимира, что мне предписывается незамедлительно прибыть в Вологду для встречи с правящим архиереем и получения Указа о назначении на приход. Сразу выехать я все же не смог, а когда позвонил из Москвы, о.секретарь сказал, что архиепископ "как раз где-то в Москве". Москва велика, где бы его найти? Ни в Чистом, ни в Гагаринском (13) с сельским попом никто говорить не станет и ничем не поможет. «Зачем в Чистый идти, – посоветовал мне один московский протоиерей, студент-заочник МДА, с которым мы часто встречались во время сессий в Лавре, – у них ведь какое-то всемирное экуменическое сборище, а твой Михаил на таких толковищах всегда генерал, он крупнейший в Патриархии прогрессист-экуменист. Они все в Лавре, на Маковце. Постой, они отзаседались, у них нынче экуменическое возлияние, они в "Арбате" Бахусу литургисать будут».

Сначала я перепутал, прибежал в "Прагу", там тишина, никаких пышных банкетов. Решил – ошибся мой приятель или разъехались уже. Подошел к швейцару, он объяснил мне ошибку. Бегу в "Арбат", благо неподалеку.

Весь тротуар у "Арбата" устлан коврами и огражден двойным

кордоном милиции, вокруг – огромная толпа зевак, привлеченных диковинным зрелищем: дело происходило до перестройки, заморские гости запросто табунами по столице не бродили. Одна за другой подкатывают к ресторану сверкающие черным лаком "Волги" и шикарные "Чайки", только что отшуршали, говорят, даже "ЗИЛы". Из машин неспешно выходят знающие себе цену люди в экзотических нарядах – лиловых, пурпурных, шафрановых, сиреневых, кремowych, белых, черных. Облаченные в великолепные рясы и сутаны, в сангхати и пестрые шелковые халаты, они, словно не замечая ни почтительных милиционеров, ни зачарованных туземцев, шествуют по коврам в ресторан.

Машины подкатывают густо, разве узнаешь за считанные секунды Высокопреосвященнейшего Вологодского, если видел его только на фотографии в календаре, причем, одно лицо, даже роста не знаешь. Необходимо самому попасть в ресторан. Кстати, вот и ответ готов на постоянные расспросы уполномоченного: "Зачем это Вы повсюду в рясе и с крестом ходите?" Шаг с тротуара, огибаю две машины и ступаю на толстый ковер. С непривычки споткнулся, но не упал и тоже шествую. Милиционерам-лопухам не понять, даже шустряки в штатском, видать, различиям в наших регалиях не обучены, зато внештатные, студенты семинарии и академии, стажирующиеся в ОБЦС, тут же преградили дорогу: попы с белыми крестиками на такие мероприятия не часто допущены. "Вы, батюшка, откуда?" – "Из Русской Православной Церкви, – говорю, – Московской Патриархии, Курско-Белгородской епархии". Пока я эту речь с достоинством произносил, мне какой-то лиловый наступил на рясу и стал рассыпаться в извинениях. Я попросил не беспокоиться. Стажеры, услышав беглую английскую речь, сообразили, что белый крестик, несомненно, обучался не только в семинарии, но и где-то там, где свободно говорят по английски... "Ага, все ясно. Пожалуйста, батюшка".

Посидел, было, минут десять внизу, у гардероба, Михаила не увидел и пошел на второй этаж. По всему огромному залу столы, у столов – около шестисот страстных борцов за мир, спасающих священный дар жизни на Земле от ядерной катастрофы. "Религиозные деятели", как они себя именуют, сторонники набиравшего в те годы силу "миротворческого движения за межрелигиозное сотрудничество по укреплению международного мира и справедливости, за ядерное и всеобщее разоружение". Конференция, а может форум, а может и ассамблея, не помню, созвана по инициативе и по приглашению "Русской Православной Церкви" (т.е. Московской Патриархии, конечно) и Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси (14) при активном содействии нашего атеистического государства и его "компетентных органов" в период наивысшего расцвета в стране и в Патриархии застоя, коррупции и показухи, когда ограниченный контингент советских воинов-интернационалистов третий год выполнял в Афганистане свой гражданский долг. Пик торжества никодимовщины. В едином порыве сражаются за мир на планете все советские минис-

терства и ведомства: министерство обороны, КГБ, Московская Патриархия, ЦК КПСС. Борются в Москве и в Анголе, в Латинской Америке и в Эфиопии, в ООН и Индокитае. (15) Борьба достигла невиданного прежде накала и поистине глобального размаха. Кроме этого громадного зала есть еще малый, для элиты, с полным банкетным обслуживанием, туда допущены главы церквей и ведомств. Все столы сервированы великолепно, тут в изобилии любые деликатесы, пожалуй, не хуже, чем в Новом Осколе, у протоиерея Василия Герасимчука. Жаль, Хризостома на вкушающих в "Арбате" нет, очень бы к месту его слова, сказанные у того стола, в Осколе, не придумать лучшего приветствия участникам банкета.

Мероприятие ответственнейшее, делегатов то ли ассамблеи, то ли форума горячо поздравил сам весьма престарелый Глава Правительства СССР. Впрочем, номинальный инициатор и организатор форума-ассамблеи-конференции – Святейший Патриарх Пимен – тоже весьма почтенного возраста. (16) Администрация ресторана постаралась, а церковные организаторы не поскупились на расходы: они ведь МИР НА ПЛАНЕТЕ И ЦЕРКОВЬ СПАСАЮТ. И они не просчитались: прозрачная розовая семга, севрюга горячего копчения и белужий бок первейшей свежести неоспоримо свидетельствуют перед всем миром о значительно возросшем материальном благосостоянии советского народа, построившего развитой социализм, о безграничной свободе совести в нашей стране и, само собой разумеется, способствуют оживлению межконфессиональных контактов.

Где и как найти архиепископа Михаила? Иду вдоль столов, вглядываюсь. Вот заморский радиопроповедник, размахивая вилкой, втолковывает что-то православному епископу из экуменистов. С экуменистом я хорошо знаком, он один из двадцати, которых я в прежние годы просил принять меня на любое церковное послушание. Епископ знает два – три десятка немецких слов, но ни одного английского. Приятной улыбкой он заверяет собеседника, что он думает точно так же, как радиобаптист. Правильно. Очень правильно. Некто в сиреневом пытается убедить своего полуголого соседа в оранжевом закусить дивной фаршированной щукой или, на худой конец, хоть отведать заливного язычка с лимончиком. Чуть в стороне от стола митрополит в белом клобуке почтительно слушает, стоя у кресла, какую-то дамочку из посольских; она вся накрашенная-перекрашенная, в мини-юбке, потягивает длинную тонкую сигаретку, ручка на отлете, небрежно ножку на ножку закинула. Ведь я в "Арбате", почему мне все время лезет в голову какая-то чушь, вроде «Дело было в "Грибоедове"»?

Раввин из хоральной синагоги тоже у стола, неужели все на таком банкете – кошер? Но он уже не ест, ковыряет в зубах и беседует. Надо думать, о коварных замыслах израильских сионистов против ООП. Столы кончаются, в закуточке сидят старообрядцы-беспоповцы. Кажется, они одни на роскошные столы даже не взглянули, но сюда, в корчму, зачем-то прибыли, закулисных режиссеров-постановщиков

ослушаться не посмели. Сидят, сложив на коленях руки, чинно, смиренно в ряд у стены. Тоже церковь спасают? Двое в халатах подводят к соседнему стулу маленького старичка с жиденькой бородежкой, даже не подводят – подносят и бережно опускают на стул. Потом все трое закуривают. Старообрядцы сидят, не шелохнувшись, глотают омерзительный дым, но даже не морщатся, адаптировались. Где же Михаил? Может, попробовать заглянуть в малый зал? Правда, он не глава и не инициатор.

Из динамиков непрерывно льются речи самых выдающихся миротворцев из малого зала, правда, никто их здесь, в большом, не слушает. Деятельное участие в экуменической трапезе принимают и какие-то молодчики в цивильных костюмах, спортивные, чем-то неуловимо похожие друг на друга и на Джеймса Бонда. То ли они из Детского фонда, то ли из Фонда мира, то ли из Комитета. Здесь же и чиновники Совета по делам религий. И все с отменным аппетитом вкушают за счет моих коровинских бабушек. И вологодских. И костромских. И вятских. Спортивные добры молодцы все дни на ассамблее-форуме просидели. Разве без них наши "религиозные деятели" профессиональные отчеты "куда надо" не напишут?

Председатель Совета по делам религий, преемник генерал-лейтенанта МГБ Г.Г.Карпова, по праву восседает на самом почетном месте, рядом со Святейшим Патриархом. Нынешний, интересно, в каком чине? До назначения в Совет он, говорят, был секретарем обкома КПСС, теперь он всегда рядом с Патриархом, на всех мероприятиях. Шеф Совета безулыбчив, скуп в жестах, вилок не размахивает и в зубах прилюдно не ковыряет. Сегодня на его улице праздник, и он не считает нужным скрывать свою радость. Отлично провернули дельце. Шеф тепло благодарит главного технического исполнителя всего спектакля – Высокопреосвященнейшего председателя ОВЦС митрополита Минского Филарета. Митрополит, в свою очередь, выражает почтительнейшую благодарность Совету и лично безулыбчивому председателю за активную помощь и постоянное благожелательное сотрудничество на ниве общего делания – спасения структуры Церкви, за неизменное чуткое внимание к нуждам верующих и Церкви в СССР.

Отношения между государством воинствующих безбожников и сергианской Патриархией принято обозначать термином "симфония" – созвучие, гармоничное сочетание звуков. У обеих сторон общие гуманные цели, общие задачи, общие методы пропаганды, общее партийное руководство. "Делегатов поразила гармония в отношениях между Церковью и государством, – заявил католический деятель из Мексики Г.Лемперс. – Многие до приезда в Москву верили, что религия здесь преследуется, находится в загоне. Мы убедились в обратном".

"Михаил был с нами четыре дня, выступал, а теперь уехал домой в Ленинград, ему, кажется, 70 лет исполнилось, хочет с дочками отпраздновать", – объяснил все тот же епископ-экуменист. "Рыбы-фиш не желаете, батюшка? Это что-то особенное, пальчики оближете.

Когда-то местечковые бабушки такую по пятницам делали". Я вежливо поблагодарил экумениста-интернационалиста и ушел. Михаила я увидел только через две недели.

Первым моим приходом в Вологодской епархии была Ильинская церковь в Кадникове. Там же зимний храм во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. От Богослова в Коровине уехал и к Богослову в Кадникове приехал. 15 мая был в "Арбате", 17 приехал в Вологду, а 20 уже служил Всенощное бдение в канун Престольного праздника. На следующий день – Литургия и крестный ход. Выходим из храма, идем вдоль ворот. Впереди, опершись на ограду, стоит типичный партийный функционер, в сером костюме, китайском плаще "Дружба", в серой шляпе. Посылаю просвирню Катю, прошу снять шляпу или убраться за ограду, она, колченогая, бежит к нему, возвращается и докладывает, что функционер "не хочет". Вот уже и поравнялись с ним, повторяю просьбу – он повторяет отказ. Снимаю с него шляпу, забрасываю далеко за ограду. Меня плотно окружают, опасаются драки. Вошли в храм, минут через сорок закончилась служба, выхожу. Функционер стоит на ступенях, в "Дружке", но без шляпы. Я подошел, попросил у него прощения, сказал, что сделал это впервые в жизни, но в следующий раз поступлю так же: здесь церковный двор, в нем нельзя курить, нельзя браниться, нельзя стоять в головном уборе во время Богослужения. "Следующего раза не будет, – говорит "функционер", – у меня кончается отпуск, через два дня я уезжаю в Донбасс. Но я хотел бы в оставшиеся дни креститься. Я очень давно думал об этом и колебался, а тут твердо решил: если сами извинитесь и принесете шляпу – крещусь". Вечером он рассказал мне за чаем, что всю жизнь играл на театре партийных и комсомольских лидеров, но сам в партии никогда не был и чаще всего именовал все происходящее "комедийной хороминой".

Через три дня меня вызвал о.секретарь: уже успели донести и разукрасить, было даже заушение тяжелым серебряным крестом. "Вы хризостомовские эти манеры забывают, батюшка, – пожурил секретарь, – наш владыка такого не позволяет ни себе, ни другим. Хотя они оба из окружения митрополита Никодима, они совершенно разные люди. Хризостом бывает очень резким с властьпредержащими, наш – никогда. Он предпочитает часами играть с уполномоченным в шахматы, а не ругаться. Вы только что прибыли в епархию, на первый раз владыке не доложу и оставляю без последствий. Но прошу постоянно помнить: этот человек мог оказаться секретарем Сокольского райкома партии или председателем райисполкома".

Первый урок не пошел впрок. В конце лета к храму подъехали две черные "Волги", из них высыпали семеро таких же, в "Дружках". Староста еще в коридоре сообщила мне: "Райком и райисполком, нашего и соседнего района". Под градусом, но не пьяные: у них какое-то межрайонное сборище было. "Мы к Вам на экскурсию, разрешите осмотреть памятник культуры?" Староста принесла ключи, а сама побежала готовить стол. Ходим, смотрим, рассказываю, соседи хихи-

кают: идеологическая работа в Сокольском районе не на должной высоте, в загоне, можно сказать: поп позволяет себе даже в обществе секретаря заниматься оголтелой религиозной пропагандой, а она, между прочим, запрещена по Конституции. Пришлось прочитать маленькую лекцию на тему "Разрешено все, что не запрещено; запрещено все, что не разрешено; запрещено все, даже то, что разрешено; разрешено все, даже то, что запрещено". Посмеялись еще раз. "А туда – разрешено?" "Нет, строго запрещено." "Так ведь мы все мужчины, только женщинам запрещено в алтарь." "Это просто широко распространенное заблуждение. В алтаре могут находиться только те, кто принимает участие в Богослужении. Я думаю, что даже священник, если он просто пришел помолиться, должен стоять не в алтаре, а там, где стоят все, кто пришел молиться." "Вот Вы нам все объяснили, а теперь я войду, что Вы сделаете, драться полезете?" "Не посмеете войти. Завтра у нас служба, мне придется до начала Литургии объяснить прихожанам, что храм подвергся осквернению, мы будем служить молебен и освятим храм малым освящением, как после вторжения варваров, Литургия начнется с большим опозданием, прихожане из Сокола опоздают на автобус. Обо всем этом я буду вынужден доложить специальным рапортом архиепископу. Не сомневаюсь, у Вас будут крупные неприятности в обкоме".

Обстановку разрядила староста: прибежала, запыхавшись, звать "на чай".

Нашлись бутылочки у старосты, нашлись и в "Волгах", на закуску грибы и консервы. "Курить можно?" "Нет, ни в коем случае." "Обязательно закурю, тут уж Вы ничего малым освящением освящать не будете, и службу не задержите". "Не задержу. Но послезавтра я приду к Вам в райисполком в облачении и с кадилом, буду кадить во всех коридорах и кропить святой водой все кабинеты. Вам придется выводить меня с милицией, то есть дорого обойдется сигарета, лучше курить во дворе".

Опять беседа с о.секретарем, опять разъяснение, что "хризостомовские" манеры в Вологодской епархии наказуемы, за такое переводят на самые дальние бедные приходы.

Огромный церковный двор-кладбище в Кадникове был невероятно захламлен, мусор не вывозили лет 50, вал вдоль всего забора достигал двух метров. Целыми днями возил тележку к оврагу, но горы почти не уменьшались. В середине июля я попросил прихожан помочь мне убрать к Ильину дню хоть одну сторону, где центральные ворота. Работали несколько дней, работали и накануне праздника. Иду в храм приготовить книги и облачения к всенощной. Во дворе разгребают вилами и лопатами кучи ржавой проволоки от венков, банки, бутылки, спинки от металлических кроватей: из них ограды могильные делали. Человек сорок работают дружно, непременно эту часть сегодня уберут. На центральной дорожке стоит какой-то плюгавый мужичонка и что-то бормочет, время от времени перемежая бормотание отборным матом, ни к кому конкретно не обращаясь. Я велел ему убраться вон

со двора и пошел дальше. На пороге меня догнала страшно взволнованная староста: "Батюшка, это Анатолий, юродивый из Вологды, с ним так говорить нельзя, он прозорливый, его все батюшки почитают". Я пообещал тоже почитать его, когда он будет трезвый и не будет церковный двор матом поганить. Через час иду обратно, мужик стоит все там же, в кармане бутылка, в руке стакан, в другой луковица, работающих осталось человек семь, остальные разбежались. Толик-прозорливец каждой второй пообещал: если не будет бутылки, если не будет твердой колбасы, если не будет кругленькой денежки, тебе, падла, нож в спину и тебе, сука, нож в спину. "Это он их всех обличил за похоть и пьянство, поэтому твердая колбаса и круглая денежка", – охотно пояснила не отстающая от меня ни на шаг староста. "Видишь, батюшка, прозорливый". Я взял Толика одной рукой за шиворот, другой – за штаны и почти бегом повел со двора. Он уронил стакан и луковицу, мычал, матерился, обещал укусить меня, и я, де, тут же помру, в воротах он ухватился руками за прутья, упал и мне пришлось отпустить его. Наш алтарник, тоже Анатолий, уложил его в своем доме спать, а прозорливец вытащил из мешка еще одну бутылку и надрался уже до скотского состояния.

Перед Всенощной я опять велел ему убираться с прихода, он, сидя на лавочке, заплетающимся языком, но очень обстоятельно объяснил мне, где он меня видал, куда мне нужно идти, и что он сделает со всеми попами – брюхатыми дармоедами. Вот-вот нужно начинать Всенощную, но я все же не поленился пойти в Кадников (в оба конца 6 км), позвонил в Сокол, Толик получил 10 суток, а за мной среди моих собратьев утвердилось слава безбожника. Строже всех осудил меня о.Ярослав Гнып, с которым мы были близкими приятелями. Он терпел от Толика все – и похабщину, и мат, и облака злосмрадного дыма, и захарканые полы и стены. Сегодня я встречаю имя о.Ярослава под документами национал-ортодоксов вроде о.А.Шаргунова и о.В.Свешникова. Зато сам Толик проникся ко мне глубочайшим уважением, и всякий раз, если я появлялся возле Вологодского кафедрального Собора, строго предупреждал всех, кто сидел на паперти, всех сирых и убогих алкашей, что порвет рот каждому, кто посмеет материться при кадниковском попе.

Архиепископ Михаил тоже птенец гнезда никодимова, только зеркальная противоположность Хризостому. За Хризостомом прочно утвердилось слава прокатолика, Михаил никогда не скрывал свои глубокие симпатии к протестантизму. В начале 1988 г. он дал областной молодежной газете интервью, в котором рассуждение о Церкви граничит с еретическим.

Мне кажется, лучшая характеристика архиепископа Михаила – его переписка с одним православным священником из Голландии. Кстати, его письма неплохо иллюстрируют совершенно бесправное положение священника Московской Патриархии перед "Владыкой". "Что хочу, то ворочу." Управу на него даже искать бесполезно. Разговаривать с самодурами из Совета по делам религий было куда легче: они хоть

заботились о какой-то видимости законности своих слов и действий. Уполномоченного почти всегда можно было заставить раскрыть сборник законодательства о религиозных организациях, заставить архиепископа Михаила хотя бы взять в руки тот камень, на котором единственно утверждаются все деяния, все указы епископа, – КНИГУ ПРАВИЛ СВЯТЫХ АПОСТОЛ, СВЯТЫХ СОБОРОВ ВСЕЛЕНСКИХ И ПОМЕСТНЫХ, И СВЯТЫХ ОТЕЦ – мне не удалось ни разу. Вот эти письма. Цитирую по копиям, которые я получил тогда же от о.Теодора.

Ваше Высокопреосвященство,
дорогой Владыко!

Пишет Вам бывший Ваш студент, ныне священник Русской Православной Церкви в Нидерландах, который с большим интересом слушал Ваши доклады в 1976-1977 гг., когда учился на 3-м курсе ЛДА.

Дорогой Владыко, случайно я достал копии письма священника Георгия Эдельштейна заместителю председателя Совета по делам религий Г.А.Михайлову от 11 июня 1987 г. (письмо опубликовано в "Бюллетене христианской общественности", выпуск V, Москва, январь 1987 г.) и открытого письма того же священника от 13 апреля 1988 г. (Это письмо опубликовано в "Русской Мысли" № 3727 от 3 июня 1988 г., Париж). Из этих двух писем явствует, что Вы в начале 1987 г. запретили о.Георгию служить, а по истечении срока запрещения его оставили в заштатном состоянии. Несмотря на многочисленные просьбы, Вы ему отпускную грамоту не дали, с которой о.Георгий смог бы обратиться к Высокопреосвященному Кассиану, архиепископу Костромскому и Галичскому, чтобы тот ему дал бы назначение служить в одном из приходов своей епархии.

Прочитав эти письма, я не могу себе представить, как Вы, который на лекциях по основному богословию со столь великим восторгом говорили о сущности христианства и нас, Ваших студентов, вдохновляли на христианскую любовь, Вы, который по праву пользовались среди студентов огромным авторитетом, можете таким образом поступить с о.Георгием Эдельштейном. И я не хочу скрывать, что о.Георгий в своих письмах выражает предположение, что Вы в этом случае поступили не по собственной инициативе, но под давлением некоторых государственных чиновников.

Когда я учился в ЛДА, Вы же проявляли более стойкости и сопротивления против несправедливых требований со стороны государственных деятелей.

По словам моего приятеля, тогдашнего иеромонаха Феофана (Галинского), секретаря владыки ректора, нынешнего епископа Кашинского, Вам однажды позвонили по телефону с Вашей тогдашней епархии, из Астрахани. Вам сказали, что уполномоченный требует доступа к епархиальным архивам. Вы тогда повелели никому ничего не давать, пока сами не вернетесь в Астрахань.

Дорогой Владыко, очень прошу Вас срочно послать о.Георгию ту грамоту, которую он уже не раз у Вас просил.

Я надеюсь, что Вы и все архипастыри Русской Православной Церкви теперь и впредь найдете смелость активно бороться на благо Церкви, даже в тех случаях, когда Ваши решения будут не всем государственным деятелям угодны. Таким образом, новая атмосфера в Вашей стране может способствовать и расцветанию жизни.

Прошу Вас, дорогой Владыко, не забудьте меня в Ваших молитвах, и дайте мне Божие благословение.

свящ. Теодор ван дер Воорт,
(адрес).

8 июня 1988 г.

Копии: о.Георгию Эдельштейну,
б.ректору ЛДА и ЛДС, архиепископу Кириллу.

Священнику Теодору ван дер Воорту.

Ваше письмо от 8 июня с.г. неуместно во многих отношениях.

1. Ваше предположение, что среди сотен студентов, слушавших за многие годы мой курс в Ленинградской духовной академии, я мог сохранить память именно о Вас, свидетельствует о самомнении и самонадеянности.

2. Попытку священника выражать сомнение в целесообразности и обоснованности действий архиерея вообще, тем более не имеющего к Вам лично и даже к епархии, в которой Вы служите, никакого отношения, нельзя расценивать иначе, как недопустимую бестактность и дерзость, противоречащую церковным канонам, элементарному такту и вежливости.

3. Называть какого-либо архиерея (в данном случае, Преосвященного Феофана, епископа Каширского, а не Кашинского, как в Вашем письме) своим "приятелем", это со стороны священника – явная непристойность и опять-таки дерзость и хвастовство.

4. Сам объект Вашего "заступничества" – человек, известный в Русской Православной Церкви и особенно в Вологодской епархии как стяжатель, как человек, опозоривший себя во многих отношениях. Попытки восстановления его доброго имени обречены на неудачу и не делают чести ни Вам, ни тем более враждебным по отношению к нашей Церкви органам печати ("Русская Мысль" и другие), на которые Вы ссылаетесь.

5. Единственный возможный путь для Вашего "подзащитного" – принесение искреннего покаяния, на что он вряд ли способен, ибо уже в декабре пр.года в беседе с официальными представителями органов власти признал себя неверующим.

Архиепископ Вологодский и Великоустюжский МИХАИЛ.

В связи с тем, что Вы, с непонятной мне целью, направили копию Вашего письма Высокопреосвященному архиепископу Смоленскому и Вяземскому Кириллу (еще одно проявление недостатка у Вас должного церковного воспитания), вынужден направить Его Высокопреосвященству копию настоящего ответа на упомянутое Ваше письмо.

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Михаилу,
Архиепископу Вологодскому и Великоустюжскому.
Девентер, 22 июля 1988 г.

Ваше Высокопреосвященство,

На днях я получил от о.Георгия Эдельштейна письмо, в котором он мне сообщил о том, что Вы послали ему отпускную грамоту и его личное дело. (17) Хочу выразить мою благодарность за то, что Вы дали этому священнику возможность продолжать его труд на ниве Господней. Прошу Ваших молитв и Божьего благословения.

Искренне Ваш,

священник Теодор ван дер Воорт

Поперек письма рукою архиепископа Михаила начертано:

Автору этого письма, отправленного обратно. Отпускная грамота, как правило, на руки не выдается: такой выдачи или отсылки почтой не было и в данном случае. Уже в ответе на Ваше "ходатайство" о Г.Эдельштейне я имел случай указать на его (ходатайства) неуместность. Жаль, что Вы не поняли. Ваша благодарность столь же неуместна, ибо отпускная Г.Эдельштейну никак с Вашим ходатайством не сопряжена.

Архиепископ Михаил
1.08.88 г.

Более полной и точной характеристики архиепископу Михаилу не дал бы никто. Напыщенный, надменный, почтительнейше влюбленный в себя, никогда не ответивший никому ни слова по существу возводимых обвинений, по существу того указа, которым он объявил мне строгий выговор с предупреждением, а потом запретил в священнослужении. Зато мелочно замечающий каждую чепуховую ошибку (через месяц после запрещения строго отчитал меня, что на моем прошении о прощении нет даты, но по существу дела – ничего). И классическая ссылка на "беседу с официальными представителями органов власти". Пойди проверь, что кому и когда я говорил. Епископ Сергей хоть указывал источник информации: "имею сведения от т.Косицына", а здесь и того нет. Почему именно "стяжательство", а не хулиганство, не фарцовка, не торговля наркотиками или хранение оружия? Просто потому, что (классическая формулировка, ее бы на каменные скрижали): "Попытку священника выражать сомнения в целесообразности и обоснованности действий архиерея вообще нельзя расценивать иначе, как недопустимую бестактность и дерзость, противоречащую церковным канонам (каким??? Разве история Церкви не знает случаев правоты священников в споре с епископом? Разве недостаточно примера одного лишь Максима Исповедника?), элементарному такту и вежливости". Не проща ли и не короче ли – "Молчать, когда со мной разговариваешь!"

Ярче всего различие между архиепископами Хризостомом и Михаилом проявляется в их отношении к церковным наградам. В практике Михаила это всегда – грандиозное, высокаторжественное шоу, с пышными речами и последующим обильным возлиянием. Хризостом нарочито бравирует своим полным пренебрежением к цацкам. В день своих именин, 13/26 ноября 1979 г., вручая мне указ о назначении на приход в Коровино, он поинтересовался, что я думаю о наградах. "Ничего не думаю, Владыко. Чем можно наградить священника? В день рукоположения он получил самую высокую награду на земле – крест, выше не бывает." – «Правильно. А то встретятся два священника, и первым делом обнюхаются: у кого какой крестик... Крест с украшениями! Два креста! Чепуха какая-то. Будь на то моя воля, я бы сразу при рукоположении навешал на священника все награды, пусть забавляется. Набедренник, палицу, два креста, митру и непременно – обязанность служить с отверстыми Царскими вратами до "Отче наш", а потом, если ни в чем не провинился, понемножку награды бы снимал. Куда старичку в митре служить, у него и без митры головка набок клонится. Царские врата старичку можно бы и закрыть: пусть посидит во время пения антифонов, если ножки слабенькие. А молодой пусть стоит перед Престолом смиренно и на виду у всей Церкви.» И вдруг очень весело рассмеялся: "Вот я и не буду Вас ничем никогда награждать." – "Спасибо, Владыко, не награждайте". Но ежегодно я получал по почте указы: "...награждается, возложить на себя на ближайшем Богослужении".

На Георгия Победоносца 1982 г. он служил в Коровине иерейским

чином, без помпы, без парада, без мантии и пажей, без торжественной встречи, без примикирия, дикириев, трикириев, рипид и жезлов. И даже без звероподобного протодиако́нского рыка. Прошел в алтарь, прочитал входные молитвы, сам облачился и совершил проскомидию. На малом входе, не предупредив ни о чем, попытался нахлобучить мне на голову камилавку, она была размера на три меньше головы. Хихикнул, сделал три шага к Престолу, сказал: "Отложите ее на скамейку," – и забыл. За обедом велел иподиакону в тот же вечер вернуть камилавку хозяину-микрокефалу. Сказал, что помнит наш разговор, но такова рутина, не стоит копя ломать из-за пустяков, есть проблемы поважнее. Сам Хризостом в начале карьеры очень быстро продвигался по лестнице вверх, когда у него никаких добрых дел на пользу Церкви не было. А потом, когда без усталости трудился в Курске, Иркутске, Вильнюсе, он перестал получать награды. Шустрые Кириллы, Мефодии, Серапионы давно стали митрополитами, ходят в белых клобуках, а Хризостом все еще архиепископ, как в день моей хиротонии.

Архиепископ Михаил, объявляя кому-то из священников благодарности или поощрения, рассыпал копии указов по всем приходам епархии. За два первых года я получил чуть ли не дюжину благодарностей: "За максимальный в епархии рост числа крестин" (от уполномоченного за ту же заслугу изрядную головомойку: 151%); "за ревностные труды по окормлению болящих на приходе" (уполномоченный твердо обещал мне, если не прекращу "шляться по деревням в рясе и с крестом", вообще выгнать из епархии); "за ревностную службу во славу Божию"; "за окончание Московской духовной семинарии первым учеником"; и уж совсем за вздор, ни в одной епархии такого не встречал, "за образцовое составление годового отчета".

Лето 1984 г. Архиепископ Михаил приехал на приход и пошел в церковный дом. Ко мне в алтарь влетел запыхавшийся первый иподиакон Анатолий. «Два блюда, воздух на блюда, на воздух – крест, ручкой налево и бегом в притвор в полном облачении и в камилавке, архиерея встречать на верхней ступеньке. Вы говорите ему приветствие не менее четырех и не более пяти минут. Бегом, бегом, архиерей уже облачился в мантию. Где сложены рушники? Где кувшин? Алтарник не забыл сулок повязать? Мы хор не привезли, сумеют Ваши хоть "испола" не по-харовски пропеть? Остальное сами все в алтаре споем. Не знаешь, какой коньяк староста купила? Ну, бегом, бегом, архиерей ведь с меня за все взыщет».

Блюда, воздуха, крест, рушники, кафедру – все приготовил, а приветственную речь – нет. За считанные секунды до встречи не придумал ничего лучшего, чем рассказать о межконфессиональных контактах пророка Илии, самого выдающегося экумениста древнего Израиля. Епископ положил подбородок на скрещенные руки, прикрыл глаза, внимательно слушает. Я скосил глаза на о.секретаря, он сделал страшную гримасу, скривился, как от зубной боли. Уже в алтаре, облачаясь, шептал: "Ваше счастье, о.Георгий, что Владыка только

сегодня приехал из Академии, ехал на боковой полке, всю ночь не спал и просто не слышал Ваше приветствие. Он бы Вас быстро в Сарепту Сидонскую отправил".

Перед малым входом в алтаре столпилось человек пятнадцать. Протодиакон Георгий дергает меня за рукав: "О.Георгий, выходим на середину, подходим к кафедре, Вы становитесь на край ковра прямо напротив архиерея, к нему лицом и сразу – земной поклон". – "Так земные отменены до Троицы, мы Богу так не кланяемся в эти дни". – "Ничего, для смирения, а Господь простит. Владыка тоже". Уже подошли к кафедре, полемизировать поздно. Делаю глубокое метание, но в лицо негромкая четкая команда: "Земные поклоны", а сзади тоже очень четкая невербальная – мануальная команда, кто-то в загорбок кулаком подталкивает: не сбивай ритм Богослужения, о.Настоятель. "...награждается наперсным крестом". Потом о заслугах и высокой награде подробно говорилось в проповеди с амвона, потом в церковном доме поднимались тосты за праздничным столом. Порядок тостов на приходах Вологодской епархии тоже регламентировался специальным циркуляром Его Высокопреосвященства.

Полные глубочайшего смысла слова "для смирения" превратились в Московской Патриархии в универсальное орудие борьбы и побед. Хорошо бы ввести в чин Торжества Православия еще один член: "О приемлющих всеу дивные слова, краеугольные камни православного делания".

Приемные экзамены на заочное отделение Московской духовной семинарии. Оценки никому не сообщают, критерии отбора никому не ведомы. Во время обеда в столовую приходит помощник инспектора и зачитывает список принятых. "Остальные после обеда едут домой, на приход". "Отец Инспектор, а почему я..." – "Для смирения." – "А меня..." – "Для смирения." "Благословите обратиться к Владыке Ректору." – "Нет... для..."

Окончивших семинарию зачисляют в академию только по оценкам в аттестате: первым закончил – первым бесспорно зачислен. Правило простейшее, никаких перетолкований не допускает. Два года, в 1984 и в 1985, я подавал прошения и два года получал отказ "в связи с конкурсом". Вместе со мною поступил в МДС в 1980 г., но окончил ее на год раньше первым учеником выпуска 1983 г. о.Александр Геронимус, священник нашей же Курской епархии из Старого Оскола. Тишайший, воплощенное смирение, громкого слова при священноначалии не скажет, не то что собрата – мухи не обидит. Он, насколько я знаю, три года писал тогда же такие же прошения, потом, кажется, надоело.

Первый класс семинарии, мне возвращают после проверки курсовое сочинение. Это обычная ученическая тетрадка в клеточку, на последней странице оценка "4". Во всей тетради ни одного замечания, ни одной пометки на полях, ни одного исправления фактической, орфографической или стилистической ошибки. Рецензии нет. Вполне вероятно, что преподаватель просто открыл тетрадь в конце и оценил работу по объему. У меня к тому дню 22-летний стаж работы в

институте, через мои руки прошли сотни курсовых работ, десятки дипломов, несколько диссертаций и учебников для вузов. Обращаюсь к о.Инспектору. Он, не заглядывая в тетрадь, даже не поднимая глаза на вопрошающего, не заботясь о четкой артикуляции, произносит магическую формулу. Тогда бы уж двойку? КПД был бы выше. Смирять – так дрыном. Идеал воспитания – бессловесие. Пик торжества сергианского "смирения" – Поместный собор в июне 1990 г. Все делегаты Собора – епископы, священники, миряне – знали, что его председатель, Местоблюститель Патриаршего престола, тогдашний митрополит Киевский и Галицкий Филарет, – чудовищное воплощение человеческих пороков, о чем совершенно откровенно писали центральные газеты и журналы. Но ни один делегат Собора не встал и не заявил, что Филарет не может не только председательствовать на Соборе, быть одним из главных претендентов на Патриарший престол, но даже присутствовать в этом высоком собрании. Ни один не обличал и членов Священного Синода за то, что в день смерти патриарха Пимена они большинством голосов избрали Местоблюстителем Филарета. И сегодня вся Московская Патриархия молчит, когда Филарет лишен сана, когда он – заурядный самозванец, "вор", как испокон веков именовались самозванцы на Руси, молчит о том, что все усердно продвигавшие Филарета в патриархи архиереи по-прежнему, как и 5 лет назад, члены Священного Синода.

У каждого свое послушание и свой тип смирения. Живут в коммунальных или однокомнатных малогабаритных квартирах, а иногда и на коечке в общежитии милые Леночки, Юлечки, Танечки, Манечки. Ходят по улицам пешком или ездят в "общественном транспорте". Потом испытывают высокий духовный порыв и принимают решение порвать с этим безумным суетным миром, посвятить всю свою жизнь служению Богу и ближнему, дают обеты безбрачия, послушания, бедности. Самые лучшие, самые верные клятве становятся матушками-игуменьями. Теперь никто никогда не встретит вчерашнюю Юленьку или Катеньку в троллейбусе или автобусе, она умерла не только для мира, но и для трамвая. Если она, смиренно опустив глаза, идет к елеопомазанию или желает приложиться к чудотворной иконе, ни одного "профана" несколько минут к той иконе не подпустят, с двух сторон будут усердно стекло протирать. Не приведи Господь какой-то разяве на ковровую дорожку, по которой епископ или матушка шествовать изволит, ненароком наступить. Хоть на секундочку, хоть на самый краешек. Каждого посетителя, если не из богатых и не чиновных, матушка непременно выдержит часик в передней. Для вящего смирения, не потому, что чем-то занята.

Его Святейшество ездит в пуленепробиваемом правительственном лимузине исключительно из смирения. На таком же лимузине он прибыл в Елоховский Собор на перенесение мощей убогого монаха Серафима, а потом на бешеной скорости убыл в Саров.

5. Утешили вы меня, старика

Из всех епископов, под чьим омофором мне довелось служить, смиренным не только в рутинной подписи на бумаге "смиранный имярек", но в жизни, был, пожалуй, один лишь Кассиан. "Простите, батюшка, что не могу Вас по лестнице проводить, – поразил он меня при первой встрече, – у меня ножки очень больные, на этапах простудил". Его службы, его краткие бесхитростные проповеди были одной из главных опор, позволивших мне выдержать все бесчинства архиепископа Михаила и его высоких покровителей.

Справедливо говорят: праздность – мать всех пороков. Когда меня запретили в священнослужении и не допускали ни на какое церковное послушание, не разрешали ни петь, ни читать, ни мести церковный двор, ни быть сторожем ни в одном храме России, полтора года держали в праздности, я начал писать письма в Священный Синод, в Совет по делам религий, в центральные газеты, чего ни разу не делал до дня запрещения. Ни из одной инстанции мне, естественно, ни разу не ответили, а я продолжал писать. Просто от нечего делать. Какие-то прошения и письма попали в самиздат и в зарубежные газеты, о чем писал о.Теодор. Этого было достаточно, чтобы за мной утвердилась слава церковного вольнодумца. Когда в 1988 г. в Россию приехал президент Р.Рейган, меня пригласили в Спасо-Хаус. На следующий день обо мне очень нелестно отозвались "Известия", еще через день-два меня разыскивали чиновники Совета по делам религий и очень искренне удивлялись, почему я не уехал на приход полгода назад, меня, мол, давным-давно православные бабульки в костромской глубинке дожидаются, а я не своим делом занимаюсь, с президентами ручкаюсь. Я с радостью согласился с чиновниками и уехал в село Ушаково Буйского района. Когда архиепископ Михаил писал на письме о. Теодора: «Ваша благодарность неуместна, ибо отпускная Г.Эдельштейну никак с Вашим "ходатайством" не сопряжена», – он хотя бы не лукавил. Ему приказали – он запретил, ему разрешали полтора года глумиться, он глумился, ему позвонили и велели отпустить, он отпустил. А в Совете по делам религий мне сказали, что в дело вмешался сам Святейший Патриарх. Жаль только не пояснили, почему он не вмешался на несколько месяцев раньше, не ответил на мои письма и телеграммы. А КГБ, как явствует из секретных документов, приписал заслугу направления меня на приход себе: они, де, оторвали "Клерикала" от диссидентской группы Глеба Якунина, заслали его подальше от Москвы. Но не было хитроумных планов и не было благожелательного жеста Его Святейшества. Отпускная была сопряжена только с тем, что на приеме я был единственным человеком в рясе (о.Глеб Якунин почему-то пришел в цивильном костюме). Телекамеры крупнейших компаний мира то и дело задерживались на этой экзотической еще в тот год одежде. Вот какой-то гэбэшник и позвонил архиепископу Михаилу, приказал трубить отбой.

Я позвонил архиепископу Кассиану, он сказал, что ждет меня и просил поспешить. "Я очень рад, о.Георгий, что имею возможность вручить Вам Указ о назначении Вас настоятелем Одигитриевской церкви села Ушаково, там давно службы не было, туда никто не хочет ехать, приход бедный, но архимандрит Серафим из Собора говорит, что места там хорошие и люди хорошие, благочестивые, он бывал там еще в юности, до того, как попал в лагерь, жил неподалеку и ходил в Ушаково и в Пилятино пешком. Мне уже несколько дней не разрешают уехать в отпуск, много лет я ухожу в отпуск в один и тот же день, сразу после службы в Селищах, а тут не пустили, велели лично вручить Вам Указ. Очень прошу Вас прибыть в августе, когда я вернусь из отпуска, и рассказать, как дела на приходе. Сейчас идите, я устал, я очень волновался, я даже велел мне новый подрясник поглядеть, для меня сегодня настоящий праздник. Я весь год молился о Вас и Вашей матушке. Я ее хорошо знаю, она бывает в Соборе, мне ее показали. Непременно приходите в августе".

Прихожу. Архиепископ встречает меня в коридоре, куда-то шел, благословляет. "Как дела на приходе, о.Георгий?" – "Хорошо, Владыко, очень даже хорошо". Он обнимает меня и начинает плакать: "Спасибо, Вам, милый, от всей души спасибо, утешили Вы меня, старика". Я совершенно растерялся, не зная как себя вести. Вошли в кабинет, сели, он понемногу успокоился. "Я был, о.Георгий, в отпуске, только что вернулся, и сразу приехали три священника с разных приходов и все трое кричат, ругаются, чего-то требуют, гордые такие. И священник с дьяконом из Галича на машинах приехали. Он хороший человек, но у него духовного образования нет, он водителем троллейбуса был. Так они подрались, а потом и здесь, в епархии еще ругались, совсем меня расстроили". – "Ваше Высокопреосвященство, Владыко дорогой, я не смею давать Вам советы, но ведь Вы – Костромской и Галичский, нельзя настоятелем кафедрального Собора водителя троллейбуса ставить. Профессия ничуть не зазорная, но образование необходимо. И уж коль дерутся, бесчинствуют, переведите обоих". – "Разве я их туда ставил, разве я их перевожу? Это все уполномоченный с о.секретарем орудуют, а я только указы подписываю. Вы понимаете, что не я Вас в Ушаково определил. Я не правящий архиерей, а подписывающий. Если я стану им перечить, они интриговать будут, меня на покой отправят по немощности, а я мечтаю служить до смерти, я знаю, мне недолго ждать, и доктор говорит, я очень болен. Ну, идите, батюшка, утешили Вы меня, старика".

Кассиан был настоящим монахом и никудышным администратором. Боюсь, подлинно великие монахи и великие администраторы, – Василий Великие, Иоанны Златоусты, Филиппы Московские даже не в каждом столетии рождаются, тут две гениальности в одном лице. Чаще – поэтические созерцатели, Григории Богословы, которых епископство тяготит, иногда – ломает. Чаще всего монах-администратор – заурядный бурбон, жаль только с благостной улыбкой и хрипотцы в голосе не хватает. Лучший образец – бывший наместник Псково-Пе-

черского монастыря, ныне епископ, Гавриил (Стеблuchenko). Архидиаконский хор при Кассиане пел отвратительно, иподиаконы и даже священники появлялись в Соборе пьяными, всю свою зарплату архиереев исправно отдавал в фонд мира, в епархиальном управлении грязь по углам, клопы, мыши, тараканы. Но когда Кассиан служил, не только в алтаре, во всем храме было тепло. И коротенькие проповеди его никогда не были упражнениями в пустопорожней элоквиенции, как, например, у столпа отечественной гомилетики митрополита Николая (Ярушевича). Умереть на кафедре Кассиану не дали: генсек М.С.Горбачев принял в Кремле Святейшего Патриарха и постоянных членов Священного Синода – элиту Московской Патриархии, началась эпохальная перестройка, стал быстро формироваться клан новых православных, везде потребовались шустрые, бойкие и нахрапистые. Старичка со слабенькими ножками удалили на покой, вскоре он умер. Умер и лечивший его маленький кроткий доктор, он, наверное, жил только по молитвам своего немощного пациента: тоже был – букет физических немощей.

Архиепископу Кассиану, будь он сегодня на Костромской кафедре, не сделать бы и десятой доли того, что успел сделать архиепископ Александр. За 5 лет зарегистрированы десятки новых приходов, открыто духовное училище, восстанавливаются несколько монастырей, печатаются (правда, не очень регулярно) "Костромские епархиальные ведомости", которые теперь, кажется, переименованы в "Благовест", епархиальное управление переехало из сырого тесного клоповника в огромное старинное здание рядом с новым кафедральным собором. Сам епископ уже не ютится на втором этаже того же клоповника, у него нынче апартаменты и хоромы. Профессиональный архиерейский хор регулярно дает концерты духовной музыки в Костроме, несколько раз выезжал на гастроли и в дальнее зарубежье. Руководит хором милый юный женоподобный Олег Николаевич Овчинников, которого архиепископ Александр привез с собой из Вятки. За несколько лет пребывания в Костроме милый мальчик получил больше наград, чем любой сельский священник, пожалуй, больше, чем дюжина священников. Недавно архиепископ назначил его секретарем епархиального управления. Значительно расширился круг обязанностей, пропорционально возрастет, надо полагать, и число наград. Впрочем, не только безусые секретари, но и мальчишки-архимандриты в нашей Патриархии не диво.

Определяющая черта деятельности архиепископа Александра – нерушимое единение с областной и городской администрацией. В июле 1994 г. они все вместе торжественно отпраздновали 250-летие Костромской епархии. На торжества прибыл сам Патриарх Алексей II. Четыре дня плотные ряды ОМОНовцев то и дело перекрывали центральные улицы Костромы, чтобы по ним промчался длинный кортеж сверкающих машин. Губернатор, мэр, представитель президента, председатели дум всюду сопровождали патриарха и епископа. На торжественном акте в зале филармонии Его Святейшество наградил

депутатов Федерального Собрания от аграрной партии губернатора и мэра орденом Святого благоверного князя Даниила Московского, а бывшего уполномоченного Совета по делам религий М.В.Кузнецова (нынче его должность называется как-то по-иному) – орденом преподобного Сергия Радонежского. За что такое поругание преподобному?

Михаил Васильевич – человек хороший, но ведь по должности своей он много лет занимался только одним – пакостил Церкви. Это он, уполномоченный, лгал мне в глаза, не краснея, что в епархии нет ни одной вакансии, когда в восьми храмах уже несколько лет не было службы, потому что не хватало священников, он был Г.Карповым и В.Куроедовым областного масштаба. Интересно, получил ли уже В.Куроедов какие-нибудь церковные ордена? А В.Фуров? А офицеры 4-го ("религиозного") отдела 5-го управления КГБ СССР?

Депутаты, естественно, не остались в долгу: архиепископ Александр там же, в филармонии, стал кавалером ордена Дружбы Народов, а регент, Олег Николаевич – заслуженным работником культуры.

Архиепископ Александр – один из самых молодых архиереев Московской Патриархии. Он блестяще опроверг широко распространенную гипотезу, что сергианство умрет само по себе, когда уйдут на покой архиереи хрущевско-брежневского поставления. Епископы Московской Патриархии, рукоположенные в 90-е гг., точно такие же сергианцы, как те, кого рукополагали в годы самого гнусного застоя и гонений на Церковь. Любой из новопоставленных сегодня не скажет ни слова правды, ибо они по-прежнему спасают Церковь, такая у сергианцев харизма.

Три года назад специальная комиссия Верховного Совета РСФСР опубликовала документы о сотрудничестве высших иерархов Московской Патриархии с КГБ. На Архиерейском соборе 1992 г. была избрана комиссия из восьми молодых епископов для изучения этих документов и проблемы в целом. Председателем комиссии избрали епископа Александра. Единственный плод работы комиссии – она похоронила проблему, не изучив ни одного документа, не проведя ни одного заседания. Если архиепископ Хризостом говорит, что он долго не простит тому, кто оскорбит память митрополита Никодима, архиепископ Александр, думаю, никогда не простит тому, кто попытается расспрашивать его о работе комиссии. Самая дурная характеристика в Московской Патриархии – стремительное продвижение по иерархической и служебной лестнице. Так продвигался, например, митрополит Воронежский Мефодий, о котором Хризостом во всеуслышание заявил, что он – офицер КГБ и АТЕИСТ. Примерно так же стремительно продвигается сегодня вверх по служебной лестнице архиепископ Костромской и Галичский Александр. В невиданно короткий срок он был возведен в сан архиепископа, перепрыгнув через головы ДВАДЦАТИ своих собратьев-епископов, рукоположенных раньше его. Одна из главных его заслуг – успешное руководство мертворожденной комиссией. Я вполне готов допустить, что какие-то выводы комиссии Верховного Совета были ошибочными, я даже готов допустить, что

вся работа той комиссией под председательством Льва Пономарева была тенденциозной, а все до единого выводы – ошибочными. Пусть об этом скажет и пусть это докажет комиссия Патриархии, руководимая моим правящим архиереем.

Недавно в Москве завершился Архиерейский собор. Какие-то восторженные журналисты поспешили провозгласить в газете "Русская мысль", что он имел эпохальное значение, ибо агрессивные правые якобы потерпели на нем сокрушительное поражение. Восторжествовали идеи открытости миру, экуменизма, языковой реформы. Все это должно вселить в нас оптимизм.

Мне кажется, что все эти судьбоносные решения столь же важны и интересны, как классический спор остроконечников с тупоконечниками. Полемика в парламенте государства Блефуску безразлична для дальнейших судеб православия. Просто в Московской Патриархии все более прочные позиции занимают последователи митрополита Никодима (Ротова), он был всемирно известным сторонником открытости, экуменизма, языковой реформы, как, впрочем, и тот митрополит, о котором архиепископ Хризостом сказал, что он – настоящий кагэбэшник и атеист.

Бурная полемика вокруг "либеральных" приходо́в московских священников о.Александра Борисова и о.Георгия Кочеткова в конечном счете полезна только Священному Синоду и ОВЦС: она отодвигает в тень и скрывает подлинные язвы Патриархии, создает видимость "жизни", "полемики", "реформы" там, где безраздельно господствуют застой и коррупция. Общеизвестно, что планы участия Московской Патриархии в работе Всемирного Совета Церквей и всех прочих аспектов экуменизма разрабатывались митрополитом Никодимом совместно с высокопоставленными чекистами или, точнее, высокопоставленными чекистами совместно с митрополитом. Они были утверждены на печально известном Архиерейском соборе 1961 г., когда была поставлена задача тотального разгрома православия. Собор принял два решения: устранить настоятеля от руководства приходом и аннулировать без обсуждения все предыдущие постановления об экуменизме. Первое решение уже отменено, второе, к сожалению, даже не обсуждалось.

Определяющими для судеб Русской Православной Церкви являются вопросы восстановления соборности, замена ею принципа "демократического централизма", а попросту – авторитарного правления. Возвращение к решениям Поместного собора 1917-1918 гг. Отвержение сергианства и всеобщее покаяние. Объединение разрозненных ветвей Русской Православной Церкви. Все это фактически разные аспекты одной проблемы, грани краеугольного камня. Сравнение наших, якобы, "посткоммунистических" дней со Смутным временем стало газетной банальностью, об этом сотни раз писали десятки журналистов. Они подробно анализировали экономические, политические, юридические, экологические и все прочие причины постигшей Россию катастрофы, все ближе подталкивающей нас к краю бездны, но неизменно

проходили мимо православной Церкви. В системах большинства российских любителей православия играет такую же роль, как в историографии Ричарда Пайпса. Да и в жизни у нас православие – не становой хребет общественного существования, а некий фестончик, пришитый сбоку ради красоты как дань моде. В день инаугурации Его Святейшество первым поздравил Президента после произнесения клятвы и как бы благословил его, "да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте". А Президент, по установившейся доброй традиции, в день тезоименитства приезжает поздравить Его Святейшество и дарит ему роскошный букет, центральные телевизионные компании радуют зрителей высокохудожественным концертным исполнением евхаристического канона. Иногда Церковь годится для миротворческих миссий, если высокие враждующие стороны норовят выиграть время и объегорить друг друга.

Не надо прятать голову под крыло: ни лжесимфонией Московской Патриархии с посткоммунистической олигархией, ни феерическими телешоу из Успенского Собора Московского Кремля, ни самыми развысокохудожественными концертами духовной музыки Смутное время не одолеть и не избыть. Известный русский мыслитель И.А.Ильин более сорока лет назад писал: «Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, – "безумного молчания нашего ради", т.е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное "хоронячество" и "непротивление злодеям"». (18)

Коренной порок Московской Патриархии в том, что мы, усвоив сергианскую доктрину, неизбежно превратились в интегральную часть СССРовской государственности, стали колесиком и винтиком в дьявольской машине. Вера отеческая, вера православная, молитва и таинства – сами по себе, а функционирование церковного аппарата – само по себе. И естественно, став совслужащими, функционеры утратили способность к различению добра и зла, правды и лжи. Отсюда – спасение Церкви бесстыдной ложью, отсюда лжесвидетельства о Новомучениках, отсюда все формы маклачского политиканства, отсюда страстные, надрывные обличения фашистских зверств в Катыни, американской агрессии в Корее, бактериологической войны где-то в Индокитае. Отсюда всесторонняя поддержка любых "национально-освободительных" движений и самых людоедских террористических банд и помпезные форумы ангажированных "борцов за мир". Отсюда активное участие в МГБшной затее "Львовского собора" и ликвидация унии, обернувшаяся страшной трагедией для всей Западной Украины. Отсюда ежегодные Рождественские (!) и Пасхальные (!) послания Святейших Патриархов и всех правящих архиереев, десятилетиями пакостивших каждую Праздничную Литургию, когда с церковных амвонов зачитывались гнусные коммунистические агитки. Желаящим за давностию лет позабыть холуйское поздравление к 70-летию "Богоизбранного Вождя-Генералиссимуса", могу напомнить совсем свеженькое богомерзкое Послание к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Под ним подписи ныне

здравствующих и заседающих членов Священного Синода. Зачитывали все эти Рождественские, Пасхальные и Юбилейные опусы мы, священники Московской Патриархии, на нас и вина: через нас грех входил в мир, мы вливали яд коммунистической пропаганды в уши наших словесных овец. И от тех слов своих осудимся.

И опять И.А.Ильин: "Правда и ложь смешались воедино. Добро и зло стали неразличимы. А за годы войны и официальная Церковь была вовлечена в эту систему лжи". "Одежда не гарантирует ничего. Разве иероचेкисты, прилетавшие в Париж и соблазнившие митрополита Евлогия и митрополита Серафима (Лукиянова), – были не в рясах? Разве шулер не выдает себя слишком безукоризненным фраком и белоснежной сорочкой с бриллиантовыми запонками?" (19)

После войны прошло 5 десятилетий. За эти годы система лжи стала и более нахрапистой, и более тотальной, и более изощренной. И рясы стали более безукоризненными, куколи и клобуки – еще более белоснежными, кресты на них и на драгоценных митрах засверкали еще более крупными бриллиантами. Правда, нередко – фальшивыми.

«Русский народ нуждается в покаянии и очищении, – писал И.А.Ильин. – Десятки лет суще-дьявольского большевизма – уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого – Россию не возродить и величия ее не восстановить. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расползется в хлябь и в грязь. И напрасно кто-нибудь стал бы утверждать, что этот процесс стал возможным и даже уже начался после предательского конкордата между большевиками и так называемой "патриаршей церковью". Этот конкордат мог только запереть те священные двери, которые ведут в глубину души к слезному покаянию и волевому очищению. Чудовищно предлагать русскому человеку доверие к чекистам и получекистам! Растрепанно думать и говорить о том, что таинство покаяния может совершаться перед антихристом». (20)

Прошло без малого полвека, а добавить к словам И.А.Ильина нечего. Кто, кроме Церкви, поможет народу и каждому из нас возродить живую христианскую совесть? Кто восстановит веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности? Вот и расползается Россия в хлябь и в грязь.

Предыдущий выпуск статей "На пути к свободе совести" ("Религия и демократия") заканчивался словами: "Разделение в обществе происходит не между либералами и консерваторами, между левыми и правыми. Разделение происходит между теми, кто верит в существование связи между христианством и свободой, и теми, кто в это не верит".

Сергианство так же несовместимо со свободой, как несовместим с нею тот суще-дьявольский режим, который сергианство породил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Достаточно подробную информацию об Анне Готовцевой можно найти в литературных справочниках последних лет.
2. Архиепископ Ермоген. К пятидесятилетию восстановления патриаршества. "Вестник РСХД" № 86. Париж, 1967. С. 78.
3. Напр., в статье "Из записок сельского священника" в предыдущем сб. статей "На пути к свободе совести". М.: Прогресс, 1993.
4. Указ. статья, с.289-298.
5. Священник Георгий Эдельштейн. Русская Православная Церковь сегодня глазами зарубежных историков и очевидцев. Нью-Йорк-Монреаль, 1991. "Палач и патриарх троекратно облобызались", с.20-26.
6. Со своего отношения к слову "товарищ" я начал первую статью "Из записок сельского священника". На пути к свободе совести". М.: Прогресс, 1989.
7. «Невольно возникает вопрос: не способствует ли этому унижению (Русской Православной Церкви) находящаяся сейчас у власти кучка епископов, которая не хочет созыва собора? Их действия обычно объясняют и оправдывают во всех случаях "церковной экономией". Но можно себя спросить: действительно, так ли это, и руководятся ли эти епископы только желанием церковной пользы? Не преследуют ли они и своекорыстных целей, а именно, укрепления своей личной власти?» "Вестник РСХД", № 86, с.60. Подписано "Редакция", "Кучка епископов", о которой писала редколлегия "Вестника", это те, о которых говорится в данной статье – ныне здравствующий патриарх Алексий II, тогда Управляющий делами Патриархии, митрополит Никодим, митрополит Филарет Киевский, митрополит Ювеналий – многолетний шеф ОВЦС.
8. "И даждь, Господи, не отреченну пребьити имени Твоему святому на нем". Православие рассматривает имя по аналогии с иконой. Именование не может пройти бесследно для именуемого. Вспомним полемику об "Имяславии".
9. Часть доносов из архива СДР напечатана в журнале "Гласность", вып.13. М., 1987 г.
10. См. статью о.Михаила Ардова в данном сборнике.
11. "Доклад" или "Отчет" В.Фурова о работе Совета по делам религий опубликован в "Вестнике РХД" № 150. Париж, 1979 г.
12. Позиция Церкви по этому вопросу предельно ясно изложена в ответе митрополита Антония (Вадковского) на письмо Софьи Андреевны Толстой.
13. В Чистом переулке многие годы находилась резиденция патриарха. В Гагаринском (улица Рылеева) многие годы был ОВЦС.
14. «В последнее десятилетие, когда покойный патриарх Пимен фактически был уже не у дел, Церковью управляли его имеем временщики, окружавшие патриарха, а временщиками в значительной степени управляла небезызвестная "контора", нередко посредством шантажа». Дм.Поспеловский, "Русская Православная Церковь сегодня и новый патриарх". "Вестник РХД", № 159, с.212.
15. Недавно опубликован "Закон о ветеранах". К нему дано приложение "Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации." Это Китай (1946-1949, 1950-1953), Венгрия (1956), Алжир (1962-1964), Египет (несколько войн), Йемен, Вьетнам, Сирия, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Афганистан, Камбоджа, Бангладеш, Лаос, Ливан. Согласно этому списку, после ВОВ наша страна участвовала в 28 войнах и вооруженных конфликтах. Кто больше?
16. "Личность, возглавлявшая Церковь, патриарх Пимен, была по своей бездельности, серости и безвольности вполне под стать личности, возглавлявшей государство и партию. Да и коррупция, окружавшая Пимена, была под стать брежневской." Дм.Поспеловский, там же, с.214.
17. Вот это письмо о.Теодору от 28 июня 1988 г.

Ваше преподобие, дорогой о.Теодор!

Большое спасибо за письмо и особенно за молитвенное участие в моей судьбе. Думаю, для меня это сейчас – самое главное.

Каких-либо заметных изменений в моей судьбе, точнее, – во внешних событиях моей жизни, пока нет. Но я нимало не сомневаюсь, что все происходящее послужит на пользу моей внутренней жизни и, смею верить, моему служению Церкви.

Я был рукоположен в 1979 г. архиепископом Хризостомом. С годами страх Божий стал незаметно угасать во мне, я нередко ловил себя на мысли, что даже в алтарь вхожу без должного трепета, с каким-то почти будничным настроением приближаюсь к Св. Престолу. Сейчас, когда я почти полтора года лишен возможности служить, я вернулся к более ясному осознанию значения Богослужения, Литургии.

Архиепископа Михаила в происходящем я не виню: как я неоднократно говорил и писал, он действовал под влиянием внецерковных сил, которые, к сожалению, продолжают жестко диктовать свою волю нашей иерархии. Не забывайте главного: он – выездной архиерей, в малом ему легче противиться, чем его собратьям, но в крупном – абсолютная зависимость.

Думаю, Вы знаете, что атака на меня была массивной и сразу со всех сторон. След за архиерейским прощением последовал совершенно бандитский налет милиции на мой дом. Взломали дверь, устроили обыск без каких-либо санкций прокурора, надеялись найти какие-нибудь церковные вещи. Многие мои вещи вытащили, описали, многое украли. Завели уголовное дело, но потом стали упорно доказывать, что обвиняемым я никогда не был, что меня допрашивали только как свидетеля. Формально за все извинились, формально виновных наказали, но многие разворованные вещи и книги на тысячи рублей так и не вернули. Трудно поверить, но это делалось с ведома архиерея и епархиального управления.

Полтора года я прошу архиепископа Михаила только об одном: не клеветать у меня за спиной, сказать мне все открыто и прямо в глаза, призвать меня на церковный суд. Но мне неизменно отказывают в этом, ибо архиепископу стыдно признать, что он – орудие в чужих руках.

В октябре 1987 г. я уведомил архиепископа Михаила, что, исчерпав все возможности, я вынужден сам обратиться к суду Церкви и намерен предать гласности все без исключения доступные мне документы по этому вопросу. Одновременно я просил его передать мне копии любых, пусть как угодно грубо порочащих меня, документов для такого же распространения. Тогда-то и появилось в печати мое письмо Г.А.Михайлову, указы архиепископа Михаила, характеристика на меня, которую он отправил в милицию, письма к нему некоторых православных христиан.

В этом году я дважды обращался с прошениями о церковном суде в Синод, но мне было отказано "до окончания работы Поместного собора". Управляющий делами Патриархии митрополит Владимир производит на меня очень хорошее впечатление, надеюсь, что он даст делу ход, не спрячет его под сукно. Не забывайте Ваше обещание (в письме) молиться обо мне.

Ваш собрат во Христе, священник Георгий Эдельштейн.

Дорогой о.Теодор!

Рад сообщить Вам, что, как мне было сказано в Совете по делам религий, в дело вмешался Патриарх и, согласно его указанию, архиепископ Михаил выслал отпускную грамоту и мое личное дело. Указом архиепископа Кассиана я назначен настоятелем Одигитриевской церкви с.Ушаково Буйского района. Говорят, там более года не было священника, нет псаломщика, требуется ремонт храма, так что, думаю, буду почти все время проводить на приходе. Если когда-то будете в России, буду рад видеть Вас своим гостем и дома, и на приходе.

С братской любовью, подпись.

18. Ильин И.А. Наши задачи. Париж. 1956. С. 106.

19. Там же. С. 396, 78.

20. Там же. С. 397-398.